

Марина Цветаева

Переводы

Марина Ивановна Цветаева

Переводы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175875

*Марина Цветаева. Собрание сочинений в 7 томах. Том 2.
Стихотворения. Переводы: Терра, «Книжная Лавка – РТР»; Москва;
1997*

ISBN 5-300-01323-4, 5-300-01284-X

Аннотация

«Кто нам сказал, что всё исчезает?
Птицы, которую ты ранил,
Кто знает? – не останется ли ее полет?
И, может быть, стебли объятий
Переживают нас, свою почву...»

Содержание

ИЗ АВСТРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ	8
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ	8
«Кто нам сказал, что всё исчезает...»	8
ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ	9
ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР	9
ПЕСНЯ СТЕФАНО	9
НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ	11
РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СТРЕЛКОВ	11
РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН	16
ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ	25
ФРЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА	25
ГИТАРА	25
ПЕЙЗАЖ	26
СЕЛЕНЬЕ	27
ПУСТЫНЯ	27
ПЕЩЕРА	28
ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ	30
ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ	30
«Кто с плачем хлеба не вкушал...»	30
НАРОДНЫЕ ПЕСНИ	31
1. "Что ты любовь моя..."	31
2. «Как распознаю я твой дом...»	32
3. ОРЕШИНА	34

4. «Мне белый день чернее ночи...»	35
5. ЖЕНИХОВЫ ЧАСТУШКИ	36
6. ДОНЫНЕ О БЕДНЫХ ДЕТЯХ	38
ДЕВИЧЕСКАЯ МОГИЛА	42
ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ	44
ШАРЛЬ БОДЛЕР	44
ПЛАВАНЬЕ	44
1	44
2	45
3	47
4	47
5	49
6	49
7	50
8	51
БРЕТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ	53
1. «Милую целую, я сорвал цветок...»	53
2. «Вскочила утречком с зарей...»	54
3. ВСЕГО ЛЕСА ВДОЛЬ...	55
4. ХОРОВОДНАЯ	55
5. ТОРОПЛИВАЯ НЕВЕСТА	56
ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ	59
ЕЛИСАВЕТА БАГРЯНА	59
ПРАВНУЧКА	59
НИКОЛА ЛАНКОВ	61
ИСПОВЕДЬ	61

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ	62
ГУСЛЯРСКАЯ	62
ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ	64
ЮЛИАН ПШИБОСЬ	64
БЕГСТВО	64
МАТЕРИК	65
ГОРИЗОНТ	65
ЛЮЦИАН ШЕНВАЛЬД	67
РАССВЕТ	67
АДАМ ВАЖИК	71
РАДОСТЬ СОВЕТСКАЯ	71
ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ	73
ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ	73
МАМЕ	73
БАЛЛАДА О КРИВОЙ ХАТЕ	74
ПЕСНЯ О РАБОТНИЦЕ	75
НА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ	76
СОН ВАГОНОВ	77
1	77
2	78
3	78
ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ	80
ВАЖА ПШАВЕЛА	80
ГОГОТУР И АПШИНА	80
1	80
2	83

3	87
4	99
5	101
ЭТЕРИ	102
1	102
2	105
3	109
4	121
5	124
6	126
7	130
8	134
9	136
10	142
11	144
12	146
13	148
14	152
15	155
РАНЕННЫЙ БАРС	157
ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ	167
ИЦХОК ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ	167
БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ	167
СЕРДЦЕ	168
САНКИ	169
ГЕРШ ВЕБЕР	172

ДАНТЕ	172
ТРОПЫ БЫТИЯ	172
Ф. КОРН	174
«О, кто бы нас направил...»	174
СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ	178
ВОЛК И КОЗА	178
МОЯ ПЕСНЯ И Я	180
ПЛОТОГОН	181
(ДИТЯ И СОБАКА)	182
СТИХИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ	184
ПЕСНЯ ПРО СОБАКУ И РЕБЕНКА	184
МЕЛЬНИЦА	185
ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ	188
ИВАН ФРАНКО	188
«Сыплет, сыплет, сыплет снег...»	188
ХРИСТОС И КРЕСТ	189
ПИСЬМО ЛЮБВИ	191
«Отступились сердца от меня...»	192
«Не разлучай меня с горючей болью...»	193

Марина Цветаева
Переводы
ИЗ АВСТРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ
1875–1926

«Кто нам сказал, что всё исчезает...»

Кто нам сказал, что всё исчезает?
Птицы, которую ты ранил,
Кто знает? – не останется ли ее полет?
И, может быть, стебли объятий
Переживают нас, свою почву.

Длится не жест,
Но жест облакает вас в латы,
Золотые – от груди до колен.
И так чиста была битва,
Что ангел несет ее вслед.

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

1564–1616

ПЕСНЯ СТЕФАНО

из второго акта драмы “Буря”

Капитан, пушкарь и боцман —
Штурман тоже, хоть и сед, —
Мэгги, Мод, Марион и Молли —
Всех любили, – кроме Кэт.

Не почтят сию девицу
Ни улыбкой, ни хулой, —
Ибо дегтем тяготится,
Черной брезгует смолой.

Потерявши равновесье,
Штурман к ней направил ход.
А она в ответ: “Повесься!”
Но давно уж толк идет,

Что хромой портняжка потный —
В чем душа еще сидит! —
Там ей чешет, где щекотно,
Там щекочет, где зудит.

Кэт же за его услуги
Платит лучшей из монет...
– В море, в море, в море, други!
И на виселицу – Кэт!

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СТРЕЛКОВ

Двенадцать месяцев в году.
Не веришь – посчитай.
Но всех двенадцати милей
Веселый месяц май.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
Весел люд, весел гусь, весел пес...
Стоит старуха на пути,
Вся сморщилась от слез.

– Что нового, старуха? – Сэр,
Злы новости у нас!
Сегодня трем младым стрелкам
Объявлен смертный час.

– Как видно, резали святых
Отцов и церкви жгли?
Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
С чужой женой легли?

– Не резали они отцов
Святых, не жгли церквей,
Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей.

– За что, за что же злой шериф
Их на смерть осудил?
– С оленем встретились в лесу...
Лес королевским был.

– Однажды я в твоём доме
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз...
Глядит: в мешках и в узелках
Паломник седовлас.

– Какие новости, старик?
– О сэр, грустнее нет:
Сегодня трех молодых стрелков
Казнят во цвете лет.

– Старик, сымай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.
Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром.

– Ваш – мая месяца новей,
Сему же много зим...
О сэр! Нигде и никогда
Не смейтесь над седым!

– Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!

Надел он шляпу старика, —
Чуть-чуть пониже крыш.
– Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!

И стариков он плащ надел,
Хвосты да лоскуты.
Видать, его владелец гнал
Советы суеты!

Влез в стариковы он штаны.

– Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!

Влез в стариковы он чулки.

– Признайся, пилигрим,
Что деды-прадеды твои
В них шли в Иерусалим!

Два башмака надел: один —
Чуть жив, другой – дыряв.
– “Одежда делает господ”.
Готов. Неплох я – граф!

Марш, Робин Гуд! Марш в Ноттингэм!
Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп! —
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.

– О, снизойдите, добрый сэр,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэр,
Коль вздерну всех троих?

– Во-первых, три обновки дам
С удалого плеча,

Еще – тринадцать пенсов дам
И званье палача.

Робин, шерифа обежав,
Скок! и на камень – прыг!
– Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!

– Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду —
И все для палачей!

Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том – мясо, в том – муку, —
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди – горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд.

– Труби, труби, Робинов друг,
Труби в Робинов рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,

Чтоб скулы вон из щек!

Был рога первый зов, как гром!

И – молнией к нему —

Сто Робингудовых людей

Предстало на холму.

Был следующий зов – то рать

Сзывает Робин Гуд.

Со всех сторон, во весь опор

Мчит Робингудов люд.

– Но кто же вы? – спросил шериф,

Чуть жив. – Отколь взялись?

– Они – мои, а я Робин,

А ты, шериф, молись!

На виселице злой шериф

Висит. Пенька крепка.

Под виселицей, на лужку,

Танцуют три стрелка.

РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН

Рассказать вам, друзья, как смельчак Робин Гуд, —

Бич епископов и богачей, —

С неким Маленьким Джоном в дремучем лесу
Поздоровался через ручей?

Хоть и маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом – что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в вышину, —
Было в парне на что поглядеть!

Как с малюточкой этим спознался Робин,
Расскажу вам, друзья, безо лжи.
Только уши развесь: вот и труд тебе весь! —
Лучше знаешь – так сам расскажи.

Говорит Робин Гуд своим добрым стрелкам:
– Даром молодость с вами гублю!
Много в чаще древес, по лоштинкам – чудес,
А настанет беда – протрублю.

Я четырнадцать дней не спускал тетивы,
Мне лежачее дело не впрок.
Коли тихо в лесу – побеждает Робин,
А услышите рог – будьте в срок.

Всем им руку пожал и пошел себе прочь,
Веселея на каждом шагу.
Видит: бурный поток, через воду – мосток,

Незнакомец – на том берегу.

– Дай дорогу, медведь! – Сам дорогу мне дашь! —
Тесен мост, тесен лес для двоих.

– Коль осталась невеста, медведь, у тебя, —
Знай – пропал у невесты жених!

Из колчана стрелу достает Робин Гуд:

– Что сказать завещаешь родным?

– Только тронь тетиву, – незнакомец ему, —
Вмиг знакомство сведешь с Водяным!

– Говоришь, как болван, – незнакомцу Робин, —
Говоришь, как безмозглый кабан!

Ты еще и руки не успеешь занести,
Как к чертям отошлю тебя в клан!

– Угрожаешь, как трус, – незнакомец в ответ, —
У которого стрелы и лук.

У меня ж ничего, кроме палки в руках,
Ничего, кроме палки и рук!

– Мне и лука не надо – тебя одолеть,
И дубинкой простой обойдусь.

Но, оружием сравнявшись с тобой, посмотрю,
Как со мною сравняешься, трус!

Побежал Робин Гуд в чащи самую глушь,
Обтесал себе сабельку в рост
И обратно помчал, издали крича:
– Ну-ка, твой или мой будет мост?

Так, с моста не сходя, естества не щадя,
Будем драться, хотя б до утра.
Кто упал – проиграл, уцелел – одолел,
Такова в Ноттингэме игра.

– Разобью тебя в прах! – незнакомец в сердцах, —
Посмеются тебе – зайцы роц!
Посередке моста сшиблись два молодца,
Зачастили дубинки, как дождь.

Словно грома удар был Робина удар:
Так ударил, что дуб задрожал!
Незнакомец, кичась: – Мне не нужен твой дар,
Отродясь никому не должен!

Словно лома удар был чужого удар, —
Так ударил, что дол загудел!
Рассмеялся Робин: – Хочешь два за один?
Я всю жизнь раздавал, что имел!

Разошелся чужой – так и брызнула кровь!
Расщедрился Робин – дал вдвойне!
Стал гордец гордеца, молодец молодца
Молотить – что овес на гумне!

Был Робина удар – с липы лист облетел!
Был чужого удар – звякнул клад!
По густым теменам, по пустым головам
Застучали дубинки, как град.

Ходит мост под игрой, ходит тес под ногой,
Даже рыбки пошли наутек!
Изловчился чужой и ударом одним
Сбил Робина в бегущий поток.

Через мост наклонясь: – Где ты, храбрый боец?
Не страхлась ли с тобою беда?
– Я в холодной воде, – отвечает Робин, —
И плыву – сам не знаю куда!

Но одно-то я знаю: ты сух, как орех,
Я ж, к прискорбью, мокрее бобра.
Кто вверху – одолел, кто внизу – проиграл,
Вот и кончилась наша игра.

Полувброд, полувплавь, полумертв, полужив,

Вылез – мокрый, бедняжка, насквозь!
Рог к губам приложил – так, ей-ей, не трубил
По шотландским лесам даже лось!

Эхо звук понесло вдоль зеленых дубрав,
Разнесло по Шотландии всей,
И явился на зов – лес стрелков-молодцов,
В одеяньи – травы зеленой.

– Что здесь делается? – молвил Статли Вильям
Почему на тебе чешуя?

– Потому чешуя, что сей добрый отец
Сочетал меня с Девой Ручья.

– Человек этот мертв! – грозно крикнула рать,
Скопом двинувшись на одного.

– Человек этот – мой! – грозно крикнул Робин,
И мизинцем не троньте его!

Познакомься, земляк! Эти парни – стрелки
Робингудовой братьи лесной.

Было счетом их семьдесят без одного,
Ровно семьдесят будет с тобой.

У тебя ж будет: плащ цвета вешней травы,
Самострел, попадающий в цель,

Будет гусь в небесах и олень во лесах.
К Робин Гуду согласен в артель?

– Видит Бог, я готов! – удалец, просяив. —
Кто ж дубинку не сменит на лук?
Джоном Маленьким люди прозвали меня,
Но я знаю, где север, где юг.

– Джоном Маленьким – эдакого молодца?!
Перезвать! – молвил Статли Вильям. —
Робингудова рать – вот и крестная мать,
Ну, а крестным отцом – буду сам.

Притащили стрелки двух жирных-оленух,
Пива выкатили – не испить!
Стали крепким пивцом под зеленым кустом
Джона в новую веру крестить.

Было семь только футов в малютке длины,
А зубов – полный рот только лишь!
Кабы водки не пил да бородки не брил —
Был бы самый обычный малыш!

До сих пор говорок у дубов, у рябин,
Не забыла лесная тропа,
Пень – и тот не забыл, как сам храбрый Робин

Над младенцем читал за попа.

Ту молитву за ним, ноттингэмцы за ним,
Повторили за ним во весь глот.
Восприемный отец, статный Статли Вильям
Окрестил его тут эдак вот:

– Джоном Маленьким был ты до этого дня,
Нынче старому Джону – помин,
Ибо с этого дня вплоть до смертного дня
Стал ты Маленьким Джоном. Аминь.

Громогласным ура – раздалась бы гора! —
Был крестильный обряд завершен.
Стали пить-наливать, крошке росту желать:
– Постарайся, наш Маленький Джон!

Взял усердный Робин малыша-крепыша.
Вмиг раскутал и тут же одел
В изумрудный вельвет – так и лорд не одет! —
И вручил ему лук-самострел:

– Будешь метким стрелком, молодцом, как я сам,
Будешь службу зеленую несть,
Будешь жить, как в раю, пока в нашем краю
Кабаны и епископы есть.

Хоть ни фута у нас – всей шотландской земли,
Ни кирпичика – кроме тюрьмы,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы Шотландии? – Мы!

Поплясав напослед, солнцу красному вслед
Побрели вдоль ручьевых раки
К тем пещерным жильям, за Робинот – Вильям...
Спят... И Маленький Джон с ними спит.

Так под именем сим по трущобам лесным
Жил и жил, и состарился он.
И как стал умирать, вся небесная рать
Позвала его: – Маленький Джон!

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ФРЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА
1898–1936

ГИТАРА

Начинается
Плач гитары,
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от нее
Молчанья,
Не проси у нее
Молчанья!
Гитара плачет,
Как вода по склонам – плачет,
Как ветра над снегами – плачет,
Не моли ее
О молчаньи!

Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскаленный плачет
О прохладной красе камелий,
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О, гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!

ПЕЙЗАЖ

Масличная равнина
Распахивает веер.
Над порослью масличной
Склонилось небо низко,
И льются темным ливнем
Холодные светила.
На берегу канала
Дрожат тростник и сумрак,
А третий – серый ветер.
Полным-полны маслины
Тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
Их длинными хвостами.

СЕЛЕНЬЕ

На темени горном,
На темени голом —
Часовня.
В жемчужные воды
Столетие никнут
Маслины.
Расходятся люди в плащах,
А на башне
Вращается флюгер,
Вращается денно,
Вращается ночью,
Вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии
Слезной...

ПУСТЫНЯ

Прорытые временем
Лабиринты —
Исчезли.
Пустыня —
Осталась.

Несмолчное сердце —
Источник желаний —
Иссякло.
Пустыня —
Осталась.

Закатное марево
И поцелуи
Пропали.
Пустыня —
Осталась.

Умолкло, заглохло,
Остыло, иссякло,
Исчезло.
Пустыня —
Осталась.

ПЕЩЕРА

Из пещеры – вздох за вздохом,
Сотни вздохов, сонмы вздохов,
Фиолетовых на красном.

Глот цыгана воскрешает

Страны, канувшие в вечность,
Башни, врезанные в небо,

Чужеземцев, полных тайны...

В прерывающемся стоне
Голоса, и под высокой
Бровью – черное на красном.

Известковую пещеру
Дрожь берет. Дрожит пещера
Золотом. Лежит пещера —
В блеске – белая на красном —
Павою...
– Струит пещера
Слезы: белое на красном...

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ
1749–1832

«Кто с плачем хлеба не вкушал...»

Кто с плачем хлеба не вкушал,
Кто, плачем проводив светило,
Его слезами не встречал,
Тот вас не знал, небесные силы!

Вы завлекаете нас в сад,
Где обольщения и чары;
Затем ввергаете нас в ад:
Нет прегрешения без кары!

Увы, содеявшему зло
Аврора кажется геенной!
И остудить повинное чело
Ни капли влаги нет у всех морей вселенной!

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1. "Что ты любовь моя..."

Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.

Приди в полночный час,
В полночный бой.
Спит матушка с отцом,
Мне спать – с тобой.

Рукою стукни в дверь!
На этот стук
Спросонья скажет мать:
– Еловый сук!

И в горенку скорей!
Скорей в постель!
Тебя теснее обовью,
Чем плющ и хмель.

Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.

2. «Как распознаю я твой дом...»

– Как распознаю я твой дом,
Скажи, разумница моя!
– Ходи по улочкам кругом,
Так и узнаешь, где мой дом.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

– Как мимо пса я проскользну,
Скажи, разумница моя!
– Псу ласковое слово брось,
И снова примется за кость.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

– Как я по лесенке взберусь,
Скажи, разумница моя!
– Сапожки на руки надень —
Не скрипнет ни одна ступень.
Молчок! молчок!

Попридержи-ка язычок!

– Как двёрочку твою найду,

Скажи, разумница моя!

– Нащупай на двери кольцо...

Подумают, что деревцо

Стучит... Молчок!

Попридержи-ка язычок!

– Как в горенку твою взойду,

Скажи, разумница моя!

– Рукою стеночку обшарь,

И будешь ты с ключом – ключарь.

Молчок! молчок!

Попридержи-ка язычок!

– Как попаду к тебе в кровать,

Скажи, разумница моя!

– Там ларь высокий под окном,

Я в том ларе сплю чутким сном...

Молчок! молчок!

Попридержи-ка язычок!

– А что мне делать поутру,

Скажи, разумница моя!

– Надень – что снял, забудь – что знал...

Свет всюду бел, а мир – не мал!

Молчок! молчок!

Попридержи-ка язычок!

3. ОРЕШИНА

Гуляла девушка в лесу,

По кустикам плясала.

Зеленая ей на пути

Орешина предстала.

– Орешина! Сударыня!

С чего так зелена ты?

– Ах, девушка-красавица,

С чего так хороша ты?

– Коли и вправду хороша —

Ответ мой будет краток:

Ем белый хлеб и пью вино —

С того и хороша так.

– Что белый хлеб твоей красе —

С него и хороша так, —

То для моей листвы – роса:

С нее и зелена так.

Ешь белый хлеб и пьешь вино?
И спишь ты, видно, сладко!
Где твой девический венок?
У милого в кроватке!

– Орешина! Сударыня!
Твой сказ тебя загубит!
Три рослых брата у меня,
Они тебя порубят.

– Сруби орешину зимой —
Весной опять ростки даст.
Утратит девушка венок —
До гробовой доски уж!

4. «Мне белый день чернее ночи...»

Мне белый день чернее ночи, —
Ушла любимая с другим!
Мне думалось, что я – любим!
Увы, увы, увы, увы!
Не я любим – ушла с другим!

Что толку мне в саду прекрасном,
Что мне жасмин и розмарин,
Раз их срываю не один —

Цветы – которым, цветы – которым
Лишь я – законный господин!

Что толку мне в устах румяных, —
Будь то коралл, будь то рубин, —
Раз их целую не один —
Уста – которым, уста – которым
Лишь я – законный господин!

Придут клобучники-монахи,
Заплачет колокол: динь-динь!
Поволокут меня с перин
С прощальным хором – в тот сад, в котором
Лишь червь – законный господин!

5. ЖЕНИХОВЫ ЧАСТУШКИ

Пляшут зайцы на лужайке,
Пляшут мошки на лозе.
Хочешь разума в хозяйстве —
Не женись на егозе!

Вся-то в лентах, вся-то в блестках,
Всему свету госпожа!
Мне крестьяночку подайте,
Что как булочка свежа!

Мама, во мгновенье ока
Сшей мне с напуском штаны!
Чтобы, как у герра Шмидта,
Были икры в них стройны!

Как на всех зубами лязгал —
Не приласкан был ни разу.
Прекратил собачий лязг —
Нет отбою мне от ласк!

Рвал им косы, рвал им юбки —
Все девчонки дули губки.
Обуздал свой норов-груб —
Нет отбою мне от губ!

Хочешь в старости почета —
Раньше старших не садись!
Хочешь красного потомства —
С красной девицей сходишь!

За свекровьиной кроватью
– Точно ближе не могли! —
Преогромный куль с рублями —
Сплю и вижу те рубли.

А за тестевой конторкой —
До чего сердца грубы —
Преогромная дубина.
Для чего в лесах – дубы?!

6. ДОНЬНЕ О БЕДНЫХ ДЕТЯХ

Доньне о бедных детях
Есть толк у подводных трав.
Друг к другу рвались напрасно:
Их рознил морской рукав.

– Мил-друже! Плыви – отважься!
Мил-друже! Седлай волну!
Тебе засвечу три свечки —
Вовек не пойдешь ко дну.

Подслушала их монашка,
Раздула щеку-бледну,
Задула монашка свечки,
Мил-друже пошел ко дну.

А день наступал – воскресный,
Всем людям хотелось петь,
Одна только королевна
На свет не могла глядеть.

– О, мати, – молвила, – мати!
Никак не раскрою век.
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый брег!

– Ах, дочка, – молвила, – дочка!
Неладно гулять одной.
Поди разбуди меньшую
Сестрицу – пойдет с тобой.

– Моя меньшая сестрица —
Резвушка, дитя-мало:
На каждый цветочек льстится —
А сколько их расцвело!

– О, мати, – молвила, – мати!
В очах – все вещи слились...
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый мыс!

– Ах, дочка, – молвила, – дочка!
Неладно гулять одной.
Поди, разбуди-ка братца
Меньшого – пойдет с тобой.

– Ах, мати, меньшей мой братец
До спутника не дорос:
Он в каждую чайку целит, —
А сколько их развелось!

– О, мати, – молвила, – мати!
Мне сердце – мука сожгла!
Пусть люди идут к обедне,
Пойду – где пена бела.

Отправилась мать к обедне,
А дочь – где пена бела.
Гуляла она, гуляла —
На рыбаля набрела.

– Ах, рыбаля, любезный рыбаля!
Глянь – с перстнем моя рука!
Закинь свои сети в море
И вылови мне дружка!

Забросил он сети в море,
Забрасывал их стократ,
Сто раз опускал, в сто первый
Несут его сети – клад.

Сняла королевна с пальца

Кольцо драгоценных руд.
– Возьми его, милый рыбарь!
Спасибо тебе за труд.

Сняла королева, плача,
С макушки венец зубчат.
– Возьми его, милый рыбарь!
Спасибо тебе за клад.

Как водоросль морская,
Любимого обвила...
– Забудьте, отец и мати,
Что дочка у вас была!

ДЕВИЧЕСКАЯ МОГИЛА

[Стихи неустановленного поэта.]

Никому я не открою,
А тебя на свете – нет,
Как сроднился я с тобою
За семь юношеских лет.

Ну и годы! – Семь – не мене! —
Илиад и Одиссей.
И мгновенье за мгновеньем
Был я твой – душою всей.

Но пока от дома к дому
Я шагал, тобою полн,
Год седьмой ушел к шестому,
А любимая – под холм.

Почему ты так спешила?
Почему так медлил я?
Почему ты мне светила,
Мнилась, брэнная моя?

И осталось мне, под хвои
Шум – нашептывать холму,

Как томился тот, спокойный,
Друг – по сердцу твоему!..

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

ШАРЛЬ БОДЛЕР
1821–1867

ПЛАВАНЬЕ

Максиму дю Кан

1

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом – даль, за каждой далью – вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах – как бесконечно мал!

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль – и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.

Что нас толкает в путь? Тех – ненависть к отчизне,
Тех – скука очага, еще иных – в тени

Цирцеиных ресниц оставивших полжизни, —
Надежда отстоять оставшиеся дни.

В Цирцеиных садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепененьи чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не вытравят следов волшебницыных уст.

Но истые пловцы – те, что плывут без цели:
Плывущие – чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: вперед!

На облако взгляни: вот облик их желаний!
Как отроку – любовь, как рекруту – картечь,
Так край желанен им, которому названья
Доселе не нашла еще людская речь.

2

О, ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас Лихорадка бьет – как тот Архангел злобный
Невидимым бичом стегающий миры.

О, странная игра с подвижной мишенью!

Не будучи нигде, цель может быть – везде!
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде...

Душа наша – корабль, идущий в Эльдorado.
В блаженную страну ведет – какой пролив?
Вдруг, среди гор и бездн и гидр морского ада —
Крик вахтенного: – Рай! Любовь! Блаженство – Риф.

Малейший островок, завиденный дозорным,
Нам чудится землей с плодами янтаря,
Лазеревой водой и с изумрудным дерном.
Базальтовый утес являет нам заря.

О, жалкий сумасброд, всегда кричащий: берег!
Скормить его зыблям, иль в цепи заковать, —
Безвинного лгуна, выдумщика Америк,
От вымысла чьего еще серее гладь.

Так старый пешеход, ночующий в канаве,
Вперяется в Мечту всей силою зрачка.
Достаточно ему, чтоб Рай увидеть въяве,
Мигающей свечи на вышке чердака.

3

Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз – бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.

Умчите нас вперед – без паруса и пара!
Явите нам (на льне натянутых холстин
Так некогда рука очам являла чару)
Видения свои, обрамленные в синь.

Что видели вы, что?

4

– Созвездия. И зыби,
И желтые пески, нас жгущие поднесть,
Но, несмотря на бурь удары, рифов глыбы, —
Ах, нечего скрывать! – скучали мы, как здесь.

Лиловые моря в венце вечерней славы,
Морские города в тиаре из лучей
Рождали в нас тоску, надежнее отравы,
Как воин опочить на поле славы – сей.

Стройнейшие мосты, славнейшие строения,
Увы, хотя бы раз сравнились с градом – тем,
Что из небесных туч возводит Случай-Гений...
И тупились глаза, узревшие Эдем.

От сладостей земных – Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем и луной.

Докуда дорастешь, о древо – кипариса
Живучее?..

Для вас мы привезли с морей
Вот этот фас дворца, вот этот профиль мыса, —
Всем вам, которым вещь чем дальше – тем милей!

Приветствовали мы кумиров с хоботами,
С порфириковых столпов взирающих на мир.
Резьбы такой – дворцы, такого взлету – камень,
Что от одной мечты – банкротом бы – банкир...

Надежнее вина пьянящие наряды,
Жен, выкрашенных в хну – до ноготка ноги,
И бронзовых мужей в зеленых кольцах гада...

5

– И что, и что – еще?

6

– О, детские мозги!..

Но чтобы не забыть итога наших странствий:
От пальмовой лозы до ледяного мха,
Везде – везде – везде – на всем земном пространстве
Мы видели всё ту ж комедию греха:

Ее, рабу одра, с ребячливостью самки
Встающую пятой на мыслящие лбы,
Его, раба рабы: что в хижине, что в замке
Наследственном – всегда – везде – раба рабы!

Мучителя в цветах и мученика в ранах,
Обжорство на крови и пляску на костях,
Безропотностью толп разнузданных тиранов, —
Владык, несущих страх, рабов, метущих прах.

С десятков или два – *единственных* религий,
Все сплошь ведущих в рай – и сплошь вводящих
Подвижничество, так носящее вериги,

Как сибаритство – шелк и сладострастье – мех.

Болтливый род людской, двухдневными делами
Кичащийся. Борец, усиленный в борьбе,
Бросающий Творцу сквозь преисподни пламя:
– Мой равный! Мой Господь! Проклятие тебе!

И несколько умов, любовников Безумья,
Решивших сократить докучный жизни день
И в опия морей нырнувших без раздумья, —
Вот Матери-Земли извечный бюллетень!

7

Бесплодна и горька наука дальних странствий:
Сегодня, как вчера, до гробовой доски —
Всё наше же лицо встречает нас в пространстве:
Оазис ужаса в песчаности тоски.

Бежать? Пребыть? Беги! Приковывает бремя —
Сиди. Один, как крот, сидит, другой бежит,
Чтоб только обмануть лихого старца – Время.
Есть племя бегунов. Оно – как Вечный Жид.

И как апостолы, по всем морям и сушам
Проносится. Убить зовущееся днем —

Ни парус им не скор, ни пар. Иные души
И в четырех стенах справляются с врагом.

В тот миг, когда злодей настигнет нас – вся вера
Вернется нам, и вновь воскликнем мы: – вперед!
Как на заре веков мы отплывали в Перу,
Авророю лица приветствуя восход.

Чернильной водой – морями глаже лака —
Мы весело пойдем между подземных скал.
О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
Взывающие: – К нам! – О, каждый, кто взалкал

Лотосова плода! Сюда! В любую пору
Здесь собирают плод и отжимают сок.
Сюда, где круглый год – день лотосова сбора,
Где лотосову сну вовек не минет срок.

О, вкрадчивая речь! Нездешней лести нектар!
К нам руки тянет друг – чрез черный водоем.
– Чтоб сердце освежить – плыви к своей Электре! —
Нам некая поет – нас жегшая огнем.

8

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!

Нам скучен этот край! О, Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и вода – куда черней чернила,
Знай, тысячами солнц сияет наша грудь!

Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обзрев под солнцем все, что есть,
На дно твое нырнуть – Ад или Рай – едино! —
В неведомого глубь – чтоб *новообрести*!

БРЕТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1. «Милую целую, я сорвал цветок...»

Милую целую, я сорвал цветок.

Милая – красотка, рот – вишневый сок.

Милую целую, я сорвал цветок.

Грудь – волне досада, стан – стволу – упрек.

Милую целую, я сорвал цветок.

С ямкой – подбородок, с ямкой – локоток.

Милую целую, я сорвал цветок.

Ножка – так с ладошку, а подъем – высок.

Милую целую, я сорвал цветок.

Млеют городские, думают: дай срок...

Милую целую, я сорвал цветок.

Но, могу поклясться, – их обман жесток.

Милую целую, я сорвал цветок.

2. «Вскочила утречком с зарей...»

Вскочила утречком с зарей.
Пошла в зеленый садик свой.

Пошла в зеленый садик свой
За розмариновой листвою.

За розмариновой листвою.
Чуть сорвала листок-другой,

Чуть сорвала листок-другой —
Глянь – соловей летит лесной!

Глянь – соловей летит лесной.
Мне говорит на лад на свой,

Мне говорит на лад на свой:
– Девица, береги покой!

Девица, береги покой!
Цена мальчишкам – свищ пустой.

Цена мальчишкам – свищ пустой,
Цена мужчинам – меньше той!

3. ВСЕГО ЛЕСА ВДОЛЬ...

Всего леса вдоль
Я ласкал Жанетту.
Целовал Жанетту
Всего леса вдоль.

Был бы дольше лес,
Я б свою Жанетту,
Я б свою Жанетту —
Дольше целовал.

Вел бы дальше лес,
Я б свою Жанетту,
Я б свою Жанетту —
Дальше целовал.

Всего края б вдоль
Целовал Жанетту,
Целовал Жанетту —
Всего б рая вдоль!

4. ХОРОВОДНАЯ

– Барышня, прекрасней нету,

Цвет сирени с розы цветом,
Вам по нраву ли сосед?
Розы цвет, сирени цвет.

– Барышня, пляшите с нами!
Барышня, решайте сами:
С кем пропляшете весь век?
Цвет сирени, розы цвет.

5. ТОРОПЛИВАЯ НЕВЕСТА

– Мама, долго ль?
Мама, скоро ль?
Мама, время
Замуж – мне!

– Голубка, в доме – ни гроша!
– Зато пшеница хороша:
Ее продавай,
Меня выдавай!
Мама, долго ль?
Мама, скоро ль?
Мама, время
Замуж – мне!

– Голубушка, где ж платье взять?

– Из льна-то – платья не соткать?

Тки, шей, расшивай,

Меня – выдавай!

Мама, душно!

Мама, скушно!

Мама, время

Замуж – мне!

– Где жить-то будешь с муженьком?

– Есть каменщики – будет дом!

Домок воздвигай,

Меня – выдавай!

Мама, тесно,

Мама, тошно,

Мама, время

Замуж – мне!

– Голубка, нет у нас вина!

– Чай, в винограде вся стена!

Скорей отжимай,

Меня выдавай!

Мама, тошно,

Мама, томно,

Мама, время

Замуж – мне!

– Нет, дочка, милого у нас!

– Есть толстый Жак: он в самый раз!

Лови – не зевай,

Скорей выдавай!

Мама, завтра ж!

Мама, нынче ж!

Мама, время

Замуж – мне!

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

ЕЛИСАВЕТА БАГРЯНА

(р. 1893)

ПРАВНУЧКА

Нет ни прародительских портретов,
Ни фамильных книг в моем роду.
Я не знаю песен, ими петых,
И не их дорогами иду.

Но стучит в моих висках – лихая,
Темная, повстанческая кровь.
То она меня толкает к краю
Пропасти, которая – любовь.

Юная прабабка жаркой масти,
В шелковом тюрбане ниже глаз,
С чужеземцем, тающим от страсти,
Не бежала ли в полночный час?

Молнию-коня, чернее врана,
Помнят придунайские сады!
И обоих спас от ятагана
Ветер, заметающий следы...

Потому, быть может, и люблю я
Над полями лебединый клич,
Голубую даль береговую,
Конский бег под хлопающий бич...

Пропаду ли, нет, – сама не знаю!
Только знаю, что и мертвой я
Восхваляю тебя, моя родная,
Древняя болгарская земля!

НИКОЛА ЛАНКОВ

1902–1965

ИСПОВЕДЬ

На этой земле я невольный жилец,
Зато самовольно ее не оставлю!
Единственный долг мой – прожить как боец
И мир целовать огневыми устами.

Как жизнь ни черна – не страшусь ее туч,
Тоска тяжела – отрясу ее бремя.
Кипит в моем сердце серебряный ключ,
Надежда на лучшее близкое время.

Одно лишь сокровище есть у меня:
То – сердце, которое все возлюбило!
Чтоб вольною стала родная земля,
Его я с размаху бросаю в горнило.

Я жить не просился, я вынужден жить,
Зато самовольно земли не оставлю!
Единственный долг человека – творить
И мир целовать огневыми устами.

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

1886–1973

ГУСЛЯРСКАЯ

Едва лишь сел я вином упиться,
Вином упиться – друзьям на здравье,
Друзьям на здравье, врагам на гибель —
Над ровным полем взвились птицы,
Что было грезой – то стало явью,
От страшной яви – волосья дыбом.

Глашатай кличет по Будим-Граду,
По Будим-Граду, Демир-Капии,
По всем-то стогнам, путям и селам,
Его я слышу, и горше яда
Вино, и думы, что тучи злые,
Застлали мраком мой пир веселый.

Соленой влагой полны колодцы.
Рыдают нивы, рыдают хаты,
Всему народу – лихая туча!
– С торгов Афон-гора продается!
Мчат богатеи в Солунь треклятый,

Не повторится счастливый случай!

Гора, где каждый-то камень – подвиг!

Здоровье хворых, свобода пленных,

Защита сирых, опора слабых!

На райских пастбищах овцы бродят,

В святых обителях белостенных

Монахи черные Бога славят.

Меня в колыске качало Худо,

Качало Худо у мерзлой печки,

За мною Худо ходило тенью.

Как не скучать мне в ночи без свечки,

Коль ничего мне и ниоткуда,

Ни в будний день мне, ни в воскресенье!

Каб богатеем глядел на солнце,

Все откупил бы долины-горы,

Златые нивы, златые руды...

Эх, потекли бы мои червонцы

На радость здоровым, на здравье хворым,

На сласть и радость простому люду...

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

ЮЛИАН ПШИБОСЬ

1901–1970

БЕГСТВО

Позади горизонты валились пластами, как пашня под плугом,

Ввысь взлетали мосты наподобие огненных птиц,

И наш дом – для последнего разу – мне брызнул звездой.

Я над телом лежащим помедлил.

На широких равнинах – их пули со свистом сшивали
тесней и тесней, —

Как восторгом, охваченный ужасом,

Брат!

Я укрыл тебя ветвью.

Сжала жница тебя не серпом, не серпом тебя сжала, а саблей...

В землю торопится кровь.

В поле останется тело.

И погрузился я в ночь, у которой ни дна нет, ни сна нет.

...И необъятная – вся —
Стала земля мне одним
Местом, запавшим
На объем человека.

МАТЕРИК

Только глянул – пространство со взгляда,
как с якоря, сорвалось!
Эти вспышки зеленого дыма – зеленого пыла —
Как помыслию листвою?
Вместо тени – дичайшая темень.

Ввысь скакнула земля.
Материк – в небосвод провожаю?
Так ударами сердца растрогать гранит этот дикий —
Чтобы взмахом одним стал и плотью, и кровью, и жизнью.
...Будто гром его только что ранил.

Ничего – только волн начинающихся береговая кривая.

ГОРИЗОНТ

Может, туча из недр морских вынесет на горизонт

Эту землю – как бурю, задержанную в полете.

Жду, покамест два вала ее двуединым ударом приблизят.

Здесь еще не ступала нога человека.

Эти лица – людей или глыб?

Ветер дует с начала творенья.

Этот остров возьму под стопы и руками его повторю,

Разрешу мирозданье по-новому,

Сразу.

О, поднять бы, руками поднять ту воздушную линию гор,

Чтобы стали они,

Чтобы стали те горы двумя

Запрокинутыми над головою руками.

ЛЮЦИАН ШЕНВАЛЬД

1909–1944

РАССВЕТ

(Вступление к поэме “Сцена у ручья”)

Глинозема седым бурьяном,
Желтым полем, звенящим вслед,
В глубь дубового океана
Боязливо бредет рассвет.

В темной гуще, где все заглохло,
Просыпается каждый листик.
В свежих листьях – тысячи вздохов,
Грачьих карков, иволжьих свистов.

Утирает лицо листвою
Яблонь дикая в чаще сонной.
Жемчугами плеснул в лицо ей
Говорливый ручей влюбленный

И красавицу камышами
Обнял нежно и многоруко,

Белой пеной одел, как шалью,
Быстрой песнею убаюкал.

От корней до вершин – и выше —
Раздвигается тьмы завеса.
Стисни сердце, чтоб билось тише,
И послушай сказанье леса.

Ухнул камень в лесную ночь.
В тишь дремучую вторгся глухо.
Пробужденная камнем ночь
Утра ход уловила ухом.

Пал тот камень из жарких рук,
В глубь дремучих ветвей врезаясь,
Развернулся в гудящий круг,
Затрещал в камышах, как аист.

Шли крестьяне за сухостоем
Сонной чащей, утром мглистым.
Оглашали жильё лесное
Невеселым мужицким свистом.

Шли травую сырую, глиной,
Не гуторя, да не толкуя,
Шли по сучья да по малину,

Шли то кучей, то врассыпную.

Вдруг – вся глушь загудела гудом!
Да никто, кроме белки быстрой,
Увидать не успел – откуда
Камень грянул, откуда – выстрел.

Снегирей и щеглов не спросят,
Кто и кем здесь уложен насмерть.
Долго выстрел стихал вдоль просек,
Долго дыма качалась проседь,
Долго реял над местом ястреб.

Ветер дым разнесет по рощам,
Ели в думу уйдут по-вдовьи.
Лес наместничий новой мощи
Наберется, напившись крови.

Только гончая на закате,
Чутким носом копнувши хвою,
Морду вскинет, белки закатит
И зальется протяжным воем.

Да ребенок, глядящий дико,
Жарким полднем сбежав в канаву
За черникой и земляникой,

Подивится на след кровавый.

Таковы-то бои в лабиринте барсучьем,
В дикой чаще лесной, полной клычьев и сучьев.

Меньше струек в ручье, меньше хворосту в ямах,
Чем рубцов на хребте и на темени шрамов.

Столько в пении ландыша скрытого скрипа,
Сколько белых цветов под отцветшею липой.

И не так многочисленна погань грибная,
Как железные цепи на страждущем крае.

А чем больше мужицких загубленных жизней —
Тем щедрее калина кораллами брызнет.

А чем больше под елями крови мужицкой —
Тем сочнее трава и жирнее земляца.

А чем больше камней унесется потоком —
Тем мудрее дубы на откосе высоком.

АДАМ ВАЖИК

РАДОСТЬ СОВЕТСКАЯ

Мало радостных слов нам оставило прошлое наше
Отдадимте ж уста
настоящего радостным гудам
Жаждет радость советская звуков как полная чаша
Да пробьется на свет красота
что в забитых народах веками лежала под спудом

Извлекайте ж народы
ваших пашен слова трудовые
ваших песен слова хоровые
молодые слова
оды
развернувшейся долгим *о!*
Песни юношей в море
Да участвует в хоре
бодрой юности торжество

Есть прекрасные звуки
Сколько зим они втайне
простояли в гортани

жен под черной чадрой

В море сброшены чадры
и не высохли руки!

Лижет львом прирученным
вольным вольные руки
вал впервые зеленый
пенной белой впервой

Но тех звуков прекрасней
звук дыхания: ах!

в час как счастья избыток
проступает в слезах...

ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ

ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ

МАМЕ

О ты, которой не хватало суток!
Ты в первый раз сегодня заспалась!
Чтоб накормить девятерых малюток,
Одеть раздетых и обусть разутых, —
Ты до рассвета начинала утро,
А ночью шила, не смыкая глаз.

Усердная, ты говорила мало,
Ты только пела, бедный соловей!
Под песни ты растила сыновей.
А Лысая Гора, как страж, стояла, —
И песни те, которых нет грустней,
Как разыгрались в крови моей!

Лежишь в гробу. Я продолжаю петь...
Спи, труженица! Отдохни, певица!
Ты – оттрудилась. Мой черед потеть...

В полях, в горах, на синей Островице.
Ты – оттерпела, мой черед – терпеть,
Устами сына продолжаешь петь.

БАЛЛАДА О КРИВОЙ ХАТЕ

Под ивой хата приткнулась криво.
В той хате бабка варила пиво.

Входили парни в лохматых шапках,
Хвалили пиво, хвалили бабку.

Но деньги сплыли, и парни сплыли.
Одна Калорка среди бутылей.

Согнулась бабка прениже ивы:
Куда как страшен налог на пиво!

Пять долгих дней не пила, не ела —
Все на налоговый лист глядела!

Прошел день пятый, настал день платы:
Осталась бабке пустая хата.

– Пивные втулки – и те прихватим! —
Осталась бабка одна с распяьем.

У бабки дыбом встают волосья!
Глаза – что угли – у переносья!

Срывает бабка из сил последних
С гвоздя распятые, с себя – передник.

Рвет на полоски передник старый,
Из тех лоскутьев – веревка стала!

И на гвозде – какова обновка?
Где раньше крест воззирал, – веревка.

Крестьяне едут с суда, чуть живы.
Залить обиду решили пивом.

– Простите, други, за сказ мой грубый, —
Висит Калорка и скалит зубы.

ПЕСНЯ О РАБОТНИЦЕ

За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Мы в пекле, мы в саже – и так до кончины!
Мы света не видим, мы только – машины.
Спешат наши пальцы. Шуруп за шурупом.
От адского грохота – смолоду глохнем!

За винтиком винтик, шуруп за шурупом...
А в этот же час, на земле этой самой
Небесную музыку слушают дамы
В шелках и напитки небесные тянут
Из рюмок... Ответную музыку даме:
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Скрываем за стиснутыми зубами.
А есть же на свете поля золотые!
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Янтарный ячмень, золотая пшеница...
А люди, как псы, подышают в столицах!
Мы, женщины, слышим родящую землю!
Мы, женщины, помним о собственном лоне!
Сегодня – колесико, винт меж винтами,
А завтра мы песню споем – кулаками!
К нам с Волги приходят великие вести.
Мы видим: смеющееся поколение,
С детьми на руках и с детьми на коленях...
Работает время. Шуруп за шурупом.

НА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

О, волны золота живого!
Краса, которой нету слова,
Живого золота равнина, —
Подсолнечники Украины!

О, край, в котором счастье – дома!
О, красные по чернозему
Платки! О, красною малиной
Повязанная Украина!

Нигде не зрел я в мире этом,
Чтоб цвет был – плод, а плод был – цветом!
Подсолнечники на равнине:
Красавицы на Украине!

СОН ВАГОНОВ

1

Были вагоны, стали – могилы...
Крытые снегом, битые вьюгой.
Встали – вагоны. Цугом уклоны
В ряд друг за другом, в ряд друг за другом.

Нет о нас вести в братственных странах.
Ржавчина кровью кроет колеса...
Пусты и немые угольных кранов
Пасти и глотки... Зов безголосый.

Белые – трубы, белые – груды
Шлака: одел их саваном иней.
Где-то гудки гудят смерти гудом:
Хлеба спросонья просят равнины.

2

В ряд – по край глаза! В ряд – по край света!
Были вагоны, – стали гробницы...
Вдруг (не забудьте: снится нам это!)
Настежь – просторы! Пали границы!

Наши составы движутся ходко,
Наши составы движутся шибко.
И затевают пасти и глотки
Жаркую топку, черную ссыпку.

Толпы в заводы рвутся с разгону!
– Победоносно! – Многоголосо! —
Уж не гробы мы – снова вагоны!
И торжествуют наши колеса.

3

Нет! не гробы мы! Требуем пара!
Требуем ходу! требуем гуду!
Ждут не дождутся нашего дара

Целые толпы бедного люда!

Уголь, что парень жилистый вырыл,

Станет он жаром, станет он блеском!

Каждому краю, целому миру

Свет поставляет – край наш силезский!

Пало господство! Кончено рабство!

С тысячеруким братским приветом —

Уголь везем мы, чтобы по-братски

Всех обеспечить счастьем и светом!

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ВАЖА ПШАВЕЛА
1861–1915

ГОГОТУР И АПШИНА
(Старинная быль)

1

Говорят, хевсур Апшина,
Воин из селенья Бло,
Из Миндодаури рода,
Что добро забыл, что – зло.

Грабит верных и неверных,
Рубит мужа и жену,
Дом сокровищами полнит,
Словно царскую казну.

Говорят еще – Апшины

Есть сильнейший: Гоготур.
От мизинца Гоготура
Навзничь грохнется хевсур.

Да и царь про Гоготура
Рек: “Он тысячи сильней!
Стоит тысячи друзей он,
Стоит тысячи мужей!

Сердце у него – железо,
И железная рука.
Сколько раз под нею стлался
Враг, бесчисленной песка!

Он в бою подобен смерти,
Он, как смерть, неуязвим.
С Гоготуром биться – биться
С смерти ангелом самим.

Как волна играет лодкой —
Так играет он врагом.
Нет сомнения: сей воин
Бранным ангелом ведом”.

Царь не раз просил: “Останься!
Ты мне друг – как ни один!”

Но ответ был неизменный:
“Царь! Не вынесу долин!

Если на меня не дует
Горным ветром – дел не жди!
Сердце плачет, и не хочет
Плоть ни хлеба, ни воды.

Рта и вовсе не открою!
Буду стыть и цепенеть.
Мне одна дорога – горцем
Жить и горцем умереть.

Есть печаль у Гоготура:
Стали недруги смирны!
Но у истинного пшава
Дело есть и без войны!”

Говорит: “Одной породы
Меч с косой – что брат с сестрой!
Поработаем! Разбоем
Жив не будет род людской”.

Ни единого упрека
В целой Грузии ему.
А не то, чтобы безлунной

Ночью – вырывать суму!

Ломит он платан столетний,
На плечи кладет, как трость,
И, попыхивая трубкой,
В дом несет – чтоб грелся гость.

Или, возвратясь с оленем,
– Сдался, леса властелин! —
Взяв пандури на колени,
Сумерничает один.

И звенит его пандури,
И дымит его табак,
Щиплет струны смуглый палец,
Сыплет золотом очаг.

Запоеет – ей-ей на балках
Потолок не улежит!
А ногой еще притопнет —
Вся-то Пшавия дрожит!

2

Три у женщины приметы:
Говорок быстрее воды,

Пол-ума (и тот с безумьем
Схож) и страсти без узды.

Денно-нощно, нощно-денно
Мелет, мелет языком:
Просит подвигов у мужа —
Ими хвастаться потом.

Кроме “славы”, нету слова
В малом доме между скал.
Будь супруг ее хоть вором —
Только бы мечом махал!

Только бы ружья не ржавил!
Жеребца не жарил зря.
Только бы жену забавил
Платьем красным, как заря!

Подступает к Гоготуру:
“Муж, на что тебе твой щит?
Раз к домашнему порогу
Хуже хворого пришит!”

И опять героя точит:
“Муж, на что тебе твой меч?
Погляди: слезами плачет!

Хочет голову отсечь!

Собирай оброк с хевсуров,
Грабь чеченца на горе!
Говорят, что у Апшины,
Конь – что рыба в серебре!” —

“Женщина, – ей муж, – что мелешь?
Худо с разумом твоим!
Ты с воителем венчалась,
Не с грабителем ночным.

Чем язык чесать о зубы —
Шерсть чеши да лен чеши!
Худородная, что можешь
Знать про ружья и мечи!

Чем безумствовать речами —
Хоть чулок вяжи с умом!
Лишь тогда рубиться свято,
Коли рубишься с врагом!

Царь пока не кинул клича:
– Враг напал! Пора в поход!
За плечами Гоготура
Сдвинься, Пшавии народ! —

До тех пор не будет крови
Гоготурову мечу.
Страшной кровью – братней кровью
Славного не омрачу!

Было ли, чтобы татарин
На скамье меня нашел?
Как гиена на джейранов,
На татарина я шел!

Я о вражеские спины
Семь мечей – восьмой визжал! —
Целых восемь иступил я,
А девятый был – кинжал.

Женщина, коль ты не демон,
Устыдись своих словес!” —
“Я о том скорблю, что дому
Пользы мало от чудес!

Слава – слабая одёжка,
Варево пустое – честь.
Сто порубленных татарских
Спин – их с солью будешь есть?

Ну-ка, кроме ран на теле,
Что домой принес с войны?
В добром имени – что проку,
Коли руки не полны?”

Сильно огорчился воин;
Меч берет (возьмет и щит),
Лыком липовым потуже
К поясу его крепит,

Щит налево взял, направо
Ружьецо – как есть бревно
Стопудовое! – и дуре
Молвил слово таково:

“Как сказала – так и будет!
Без добычи не вернусь!”
Может, видели, как ехал,
Чуть посмеиваясь в ус?

3

Мимо гор в зеленых шубах,
Мимо вод, бегущих в ширь,
По фиалковым глазочкам
Едет, едет богатырь.

Едет он землю пшавской,
Первой зеленью лесной,
Едет Пшавией весенней,
Едет Пшавии весной.

У лесного населенья
Точно сговор в этот день:
Древо клонится к оленю,
К древу тянется олень.

Птицы так щебечут сладко,
Что растаял и ледник.
Только у одной Арагвы —
Грозный говор, черный лик.

Мчит, раздутая снегами,
Раздробившая броню,
Полными горстями брызжа
В очи горцу и огню.

Глянь, из-за Копала-камня
Богатырь – скалы облом! —
Словно оползень тяжелый,
Продвигается с конем.

А навстречу, глянь, на лурдже
Стройном: на коне – синей
Синей тучи! (Всадник – лурджи,
Лурджа – всадника стройней.)

Богатырь другой в черкеске
Красной – что твоя заря!
Хороши на поле красном
Щит и меч богатыря!

Он поет – все горы вторят!
Знать, и впрямь непобедим!
Свищут конские подковы
По камням береговым.

Всадник видит Гоготура,
Устремляется – смотри! —
И уже вплотную стали
Кони и богатыри.

С руганью занесши меч свой,
Им всю местность осяяв:
“Пшав, сдавай свое оружие!
Мирному без нужды, пшав!

Я – Апшина! (И вторично

Выругавшись – что твой гром!)
Сказанному – покорися!
Либо повторю – мечом!”

Думает силач: “Прикинусь
Кротким, к братству воззову!
Как откликнется Апшина
На склоненную главу?” —

“Друг, одумайся! Иль впрямь я —
Грязь, ногам твоим – навоз?
Тоже женщиною вскормлен!
Чай, не на навозе взрос!

Брат, одумайся! Коль впрямь ты —
Богатырь, как можешь, брат,
Мирного лишить оружия?
Или Бог тебе не свят?

Без меча – как покараю?
Без меча – как пощажу?
Родичеву ругань: – Тряпка! —
Без щита чем отражу?

Коли свят тебе, Апшина,
Бог – хоть шапку мне оставь!

Не пускай меня без шапки,
Сдавшегося не бесславь!

Человек ты громкой славы,
Муж, прославленный кругом.
Обойдись со мной по-братски —
Станет брат тебе рабом”.

Закипел Апшина: “Много
Разговариваешь, пшав!
Меч снимай, снимай и шапку!
Кто сильнее – тот и прав!

Ты за целую неделю
Первый будешь мне барыш.
Щит давай, давай ружье мне, —
Не то землю обagriшь!

Либо пнем слетишь в Арагву!
По весне вода черна.
Пусть бревном тебя сосновым
Мчит арагвская волна!”

Отдал Гоготур хевсуру
Щит-свой-звон и меч-свой-вес.
И уздечки на утеху

Не оставил живорез!

Вороного шпорой тронул,
Конь что молния взвился!
Тут у Гоготура лопнул
Гнев: “Глядите, небеса!

Гляньте, скалы, гляньте, горы,
Бурная, замедли течь! —
На грабителя, у брата
Вырвавшего щит и меч!

Гляньте, горы, гляньте, скалы —
Как с седельца сволоку, —
Как об этот самый камень
Этот череп истолку!”

Схвачен вор и опрокинут,
Богатырским боем бит,
Связан и, середь дороги
Кинут, идолом лежит.

Стал лежачему стоячий
Речь держать: “Презренный тать!
Как с купцом хевсурским, думал
С Гоготуром совладать?

На протянутую руку
– Вор – ответивший мечом,
подавай сюда чеканный
Меч! – мой меч! и мой шелом!

Мой и конь! моя и сбруя!
Мой и щит! моя броня!
Кто мечом махал на брата —
Ниже праха для меня”.

“Пощади! – ему Апшина,
От расправы побелев
Дозелена, а от гнева
Дочерна позеленев. —

Обознался я – помилуй!
Промахнулся я – прости!
Ты мне рухлядью помнился,
Глиною в моей горсти.

Мощи нет твоей превыше,
Грудь твоя – скалы ребро.
Побратаемся, могучий!
Выпьем дружбы серебро!

А потом, во имя дружбы,
– Стыдно мне, лежу в пыли! —
Брат, верни мое оружие
Или им же заколи!” —

“Что, легко (ему – каратель)
Проходимцу свой шелом
Отдавать? Кинжал и меч свой
Зреть на поясе чужом?”

“Либо возврати оружие,
Либо им же и убей!”
Поумнел, во прахе лежа?
Образумился, злодей?

Чем от перса и от турка
Грузию оберегать —
Путника разоружаешь?
И тебя – грузином звать?

И чего ты, скверный, рыщешь,
Словно дух бесплотный, дом
Потерявший! Вор несытый
С уворованным кулем!

Голоден – сказал бы прямо,

Досыта бы накормил.
Но – чтоб мирного ограбить!
Или Бога позабыл?

А без Бога – хоть бы горы
Серебра – какой в них прок?
Если же подраться хочешь —
Меч на поясе высок.

Меньше щебня под ногами,
Чем у Грузии врагов!
На единого грузина —
Войско в тысячу голов!

Бей их справа, бей их слева!
Меч сломал – другой достань!
Правая изныла – левой!
Меч не стал – рукой достань!

Бей неверных, как баранов!
Рассыпай врагов, как вихрь!
Первый молвлю, что достоин
Ты доспехов боевых.

Но тому, кто мирных грабит,
Кому кротость не кротка —

Нет убора головного,
Кроме женского платка.

Грабил ты войны не знавших,
Грабил старцев и детей,
Не встречал ты рук железных
И железных челюстей!

Не хочу твоих доспехов —
Опозорился б мой кров!
Мало ли у Гоготура
В доме ружей и щитов?

И коня возьми обратно!
Будешь, муж непобедим,
Мужеством своим хвалиться —
Похвалися и моим.

Но тебя крестом Хахматским
И Копала-камнем – свят! —
Заклинаю: все, как было,
Говори, хевсурский брат!”

Развязал Апшине руки,
На ноги поставил, щит
Подает. Апшина – синий,

Весь заплаканный стоит.

“Горе, горе мне, Апшине,
Вору из селенья Бло!
Я, как зверь, уйду в пещеру!
Но за все твое добро

Дай тебя облобызаю!”
Тут, словца не говоря,
Гоготур Апшину обнял,
Богатырь – богатыря.

Младший из сумы ковровой
Спешно достает бурдюк,
Сели наземь, сели рядом —
С младшим – старший, с другом – друг.

Тут Апшина рог наполнил,
Руку поднял, око взвел:
“Ты дотоль живи и здравствуй,
Пока небо поит дол,

Пока солнце греет землю,
Пока ночь идет за днем,
Пока лес весною зелен,
Пока высь дружит с орлом,

Пока разом пуда соли
Не притащит муравей...
Да умножит крест Лашарский
Подвиги руки твоей!”

“Да спасут тебя святые! —
Гоготур ему, с душой.
А что крепок ты – изведал
Нынче собственной рукой.

Злому демону не следуй,
Злого дела не твори,
И продлит Господь меж нами
Разговоры и пиры”.

Настрогал хевсур кинжалом
Серебра в вино – залог
Верной службы, вечной дружбы —
Каждый осушил свой рог.

Славно пили, складно пели,
И, Арагвы на краю,
Разошлись побратимы
Каждый в сторону свою.

Тишь и темень. Спит грузинский
Край, Георгием храним.
Снеговые, ледяные
Горы бодрствуют над ним,

Не зеленые – от века,
Не зеленые – вовек.
По отвесам – туры тропы:
Зверя вековечный бег.

Только шуму, что гневливой
Речки плеск, да треснет сук.
Вдруг вся спящая деревня
Вздрагнула! – в ворота стук.

“Открывай, жена, не медля!
Муж пришел – жена встает!
Спать не время, вражье семя!
Сам Апшина у ворот!

Будет спать тебе, обуза!
Принимай коня и щит!
Не то крест тебя Хахматский

Милости своей лишит!

Уж мечом не опояшусь
И щита не подыму!
Кого первого завидишь —
Щит и меч отдай тому.

И коня отдай в придачу,
Только платы не взимай!
Кого первого завидишь —
И коня тому отдай!

Чем война была мне, хвату,
Стала хворому – постель.
Злая хворь во мне, хевсурам
Не знакомая досель”.

Третий месяц на исходе,
Тверже мертвого лежит.
От его сердечных стонов
Дом дрожит, земля дрожит.

Утаить – обет нарушить,
Рассказать – живым зарыть.
Вот и мается, не в силах —
Рассказать, не в силах – скрыть.

Долго думал – скоро сделал:
Лег богатым – нищим встал,
Что содеял – то поведал,
Был неверным – верным стал.

5

Горный праздник у хевсуров:
Жарит вертел, льет бурдюк.
Вон богатые врагами.
Горцы: Минди и Мацук.

Вот и Хинча бесподобный.
Одаль женское родство
Смотрит скромными глазами —
Каждая на своего.

На земле – голов бараньих,
Что людских в войну голов!
Чу! Молельщика Апшины —
Хевисбери – слышен зов:

“Буди милостив, Георгий,
К царству древнему грузин!
Даруй мощь его народам!

Чтоб не счесть его дружин!

Буди милостив, Георгий,
К верной Грузии своей!
Чтобы не было под небом
Края – Грузии славней!”

* * *

Говорят, в последнем доме
Горного селенья Бло
Полнолунными ночами
Кто-то стонет тяжело.
Бесконечный, заунывный
Стон, пугающий зарю:
“Горе, горе мне! Увы мне,
Мертвому богатырю”.

ЭТЕРИ (Поэма)

1

Выше глаз уходят горы,
Дальше глаз уходит дол.

Ни жилья бы не увидел
Пешеход, кабы добрел.
Занавешена чинарой,
Тростником окружена,
На всю дальнюю долину —
Только хижина одна.
Тесной изгородью гладыш
С трех сторон ее обнес,
Частым лесом – можжевельник
Обступил и перерос.
Человеку не подвластна
Эта гордая страна;
Мощным голосом природы,
Песней гор оглашена.
Шелест листьев – словно шепот
Затаенной тишины.
Звери, ветры и обвалы —
Вот хозяева страны.
Только речи человеческой
Не услышит пешеход.
Всё здесь, кроме человека,
Говорит и вопиет.
То олень осенним ревом
Потрясет покой дерев.
Громким голосом обвала
Вдруг гора проявит гнев.

Серна вскрикнет, дятел стукнет,
Филин ухнет, каркнет вран,
Серебром на всю долину
Звякнет горлышком фазан...
Только звери эту траву
Мнут да девушка одна.
Как луна одна на небе —
Так она в лесу одна.
Сторожит ее жилище
Куст чилижника в цвету.
Соловей ему все ночи
Жалуется на тоску.
Ах, горька его потеря!
Нету бедному житья!
Бедной девушке Этери
Любо слушать соловья.
“Хорошо поешь ты, — молвит, —
Как бубенчиком звенишь!
В горле жемчугом играешь!
Хоть бы знать — что говоришь!
Только этим и страшна мне
Смерть, глубокая земля,
Что под камнем не слышна мне
Будет песня соловья.
Если б мне судьба судила
Быть пернатым соловьем, —

Знала б, знала б, не гадала б,
Соловьи поют о чем!
Соловьем была бы – ведра
Не таскала бы с трудом,
В серых перышках ходила б,
А не в платьице худом.
Не катились бы, как слезы,
Дни сиротские мои,
Не страшилась бы сиротка
Старой мачехи-змеи”.

2

Света первая победа,
Мира первая краса.
Хрустальями, жемчугами
На траве лежит роса.
Только старая старуха —
Что печная головня:
И черна-то, и страшна-то —
Омрачает чудо дня.

мачеха

Ты вставай, вставай, лентяйка,
Выгоняй, злодейка, скот!

Солнце – час уже как встало:
Прospала ты, глянь, восход!
Берегись теперь расправы!
Наколи скорей дровец!
Накорми мою корову!
Не мори моих овец!
Хоть бы волк меня избавил
От ленивицы-слуги!
Вихрь тебя смети метлою!
Молния тебя сожги!

этери

Как вода в котле не схожа
С речки светлую водой,
Так и падчерицы доля
С долей дочери родной.
Хоть бы образ свой сиротке
Мать оставила в помин!
Им как солнышком бы грелась
В хладном сумраке долин.
Хоть бы голос свой, голубка,
Завещала сироте!
Не плутала бы сиротка
В мокроте и черноте.
Хоть бы уст своих улыбку

Позабыла уходя!
Не промокла бы подушка
От соленого дождя.
Целый день проклятья, ругань
И во сне и наяву.
Обделенная судьбою,
Богом кинутой живу.
Хоть бы что-нибудь сиротке
Мать оставила в помин!
Хоть бы уст своих улыбку,
Взгляд очей своих один!
От зари до черной ночи
Спину гнуть да слезы лить,
Как ни гнись, раба, под ношей —
Клятой быть да битой быть!
Знать, под красною луною
В час недобрый родилась!
Заглянул к малютке в люльку
Лунный глаз – не в добрый час!
Поднялась Этери с ложа:
Тюфяком ей был тростник,
Плоский камень – изголовьем.
Подняла Этери лик, —
И всю землю озарила
Бедной девушки краса.
Подняла Этери очи —

Отразила небеса.
Погруженная в раздумье,
Поглядит Этери ниц —
Сонмы ангелов нисходят
По лучам ее ресниц.
Шеи горного джейрана
Шея девушки стройней.
Под дубленую овчиной
Стан – что лилия полей!
Только нет у ней нарядов.
В черном рубище, бедна...
Хоть бы бусинка цветная,
Иль застежка хоть одна!
Взяв корзинку через руку,
Вывела на волю скот.
За овечками – корова,
Следом – девушка идет.
Поясок на ней – богатый,
Ибо косами двумя,
Цвета черного агата,
Опоясана она.
Вдоль спины пустить вожжами —
Не управиться самой!
То в кустарнике застрянут,
То почудятся змеей.
Грех на эдакие косы

Призывать Господень гром!
Вот и странствует Этери
В поясе волосяном,
От рассвета до заката
Не встречая ни души.
Незабвенное виденье
Девушки в лесной глуши!

3

Бродят овцы и корова,
Щиплют свежие ростки.
Под чинарою Этери
Внемлет голосу реки.
Но другой ему на смену
Звук: охота! своры плач!
Мчит олень, круша орешник,
За оленем – конный вскачь,
Словно дождь лежащий – стрелы
С напряженной тетивы.
Не сносить тому оленю
Венценосной головы!
На голову пав, с откоса
Покатила кувырком.
Не отдышится Этери,
Спрятавшись за тростником.

Но тростник, неверный, выдал!
На две стороны тростник
Разошелся и увидел
Юноша Этери лик.
Точно дерево сухое,
Вспыхнул. И горящих глаз,
Как стрелой в того оленя,
Взглядом в девушку вперясь,
Пуще дерева сухого
Пышет: ест его огонь!
Как взглянули – не сморгнули,
Не дохнули он и конь.
Ястреба на куропатку
Взгляд – железо бы прожег!
Тростника бы не зажгла бы
Девушка пожаром щек!
Лук и стрелы, бросил наземь,
Следом спрыгивает сам;
К девушке подходит робко,
Телом статен, станом прям.
Лишь тростник вокруг высокий
Да зеленые леса.
К лбу прикладывает руку:
“Здравствуй, девушка-краса!
Кто ты, милая, откуда?
Кто твои отец и мать?”

Почему ты в рваном платье?
Как тебя дозволишь звать?”
Как скала, молчит Этери —
Впрямь ли потеряла речь?
Немотой ее разгневан,
Юноша заносит меч:
“Говори сейчас же: кто ты?
Я не зря тебя нашел.
Говори – не то не медля
Расщеплю тебя, как ствол!”

этери

Только с птицами лесными
Я беседую в лесу.
А пугать меня железом —
Чести мало удальцу!

годердзи

Хоть одно, голубка, слово!
Кто твои отец и мать?
Почему в таких лохмотьях
Странствуешь, хотел бы знать?

этери

Всех война взяла, одну лишь
Матушку взяла земля.
Ест и пьет меня, сиротку,
Злая мачеха-змея.
Побредешь овечьим следом —
Будет хижина в лесу.
С мачехой живу, старухой,
Скот ее теперь пасу.

годердзи

Почему глаза отводишь?
Мимо глаз моих глядишь?
Ведь и взглядом не обидел!
Допроси речной камыш.
Пусть луны небесной краше,
Чище снега на горах, —
Человек тебе я равный!
Что я – падаль или прах?
Нету умысла дурного
У плененного тобой.
Назови, голубка, имя!
Напои меня водой!

этери

И ребенок незнакомцу
Не откроется – как звать!

годердзи

Памятью твоих усопших —
Успокой их благодать
Господа! Могил их ради
И живой моей любви,
Утоли, голубка, жажду!
Имя, имя назови!

этери

“День, Этери!” “Дров, Этери!”
“Выгоняй, Этери, скот!” —
Имя горькое – Этери —
Сладкого не принесет.

годердзи

Видно, в Господа не верит,
С окаянными знаком,
Кто красавицу такую
Водит в рубище таком.

Накажи Господь злодея!
Тот на свете не жилец,
Кто красавицу такую
Шлет пасти стада овец.
Выслушай меня, Этери:
Хочешь быть моей женой?
Я Гургена сын – Годердзи,
Будешь царствовать со мной.
Осчастливь меня хоть взглядом,
Отними от глаз ладонь.
Молнию опережая,
Понесет нас черный конь...
Как прекрасна ты, Этери!
Ослеплен твоей красой!
Знай, что царства мне дороже
След ноги твоей босой.

этери

Если девушка в лохмотьях —
Не спасет ее краса!
Смилуются ли колючки,
Коль красавица боса?

годердзи

Милая! Одно лишь слово!
Оживи увядший куст!
Или слова недостойна
Искренняя просьба уст?

этери

Царь! Сама я не достойна
Руки мыть тебе и в зной
Заслонять тебя от солнца.
Мне ли быть твоей женой?
Сирота в простой овчине, —
Что и нищему плоха, —
Я ли подданным – царица?
Повелителю – сноха?
Но еще одно, царевич,
И навеки – рознит нас:
Никогда не выйти замуж
Господу я поклялась.
От восхода до заката
Опекать своих ягнят,
Днем довольствоваться всяким,
Не ропща на жар и хлад.
Не гляди, что я сиротка —
Немала моя родня:
Лес, ветвями, как руками,

Обнимающий меня;
Месяц, мне растящий косы;
Чаща, прячущая в зной;
Ветер, мне свежащий щеки;
Дождик, плачущий со мной...
От овец своих – пастушка,
Верь, не разнится ничем.
С овцами одну и ту же
Воду пью и пищу ем!
Знаю я лишь то, что знает
Всякая лесная тварь.
Не томи меня! Будь братом!
Отпусти меня, о царь!
Жарко мне! Совсем сгораю!
Одолел меня озноб!

Тихо косами Этери
Вытирает влажный лоб
И глаза, с которых слезы —
Жемчугом в речной песок...
Если б их песок не выпил —
Был бы жемчугом поток!
Что слезинка – то росинка
Упадает на цветок,
Имя нежное Этери
Взял бы каждый стебелек.

годердзи

Не рыдай, моя Этери!
Возвращусь в свою страну!
Поверну коня обратно —
Головы не оберну.
Но куда пойду, несчастный?
Некуда – раз не к тебе!
От тебя идет Годердзи,
Значит – к собственной беде!
Сам себя сражу кинжалом
Иль иссохну, как камыш.
Знай: царевича отвергнув,
Тысячи осиротишь!
Вся земля с ее дарами
Притекает к нам в лари.
Бог не трогает алмазов;
Звезд не трогают цари.
Но такая же – и пуще —
Власть над жизнями у нас.
Тысячи и сотни тысяч
Ринутся по взгляду глаз.
Грозные царевы брови:
Только бровью он повел —
Тысячи, как я, безусых

Спустятся в могильный дол.
Мы, цари, всему владыки,
Кто так властен и высок?
А царевича пастушка
Презирает, как песок.
Полно, девушка! Доколе
Воду лить на мой огонь?
Я возьму тебя с собою,
Понесет нас черный конь!
Ах, к груди тебя прижавши,
Молнию опережу!
Раньше тронного подножья
Я коня не осажу.
Все еще молчишь, гордячка?
Не проронишь ни словца?
Счастья мало? Сердца мало?
Мало брачного венца?
Или же другой милее?
Чем тебе не угодил?
Платьем – беден? Родом – скуден?
Ликом – бледен? Телом – хил?

этери

Брат мой, нет тебя прекрасней!
Ты – что сокол на скале!

Нет двух солнц златых на небе,
Двух Годердзи на земле.
Но цветов в долине много,
Каждый свежестью хорош.
С этого цветка на встречный
Скоро взгляд переведешь.
И останусь я, печалью
Скошенная ниже трав,
Богу не сдержавши клятвы,
Милого не удержав.
Боязно судьбу пытаться мне,
Огорчать твою родню,
Не царица я – народу,
Не наездница – коню...

годердзи

Не зови супруга братом,
Даром неба не гневи!
Годен ли, Этери, в братья,
Кто сгорает от любви?
Да лишит меня всевидец
Света солнца своего,
Коль хоть взгляд один похищу
Я у лика твоего.
Пусть вовеки не услышу

Крика серны молодой,
Коль хоть раз прельстится ухо
Смехом девушки другой.
Пусть костей моих не сыщут
По бездонным пропастям,
Коль хоть в помыслах приникну
Не к твоим, краса, устам.
Для того ль могучим родом
Щит мне дан и меч мне дан,
Чтобы льстивыми речами
Девушек вводить в обман?
Злое б на тебя замыслил —
Не сулил тебе венца б, —
Гнал тебя бы рукоятью
Вплоть до самого дворца,
Но, любя тебя, желаю,
Чтобы шла со мной – любя.
Милая! Любви, не страха
Жду и жажду от тебя!

И опять Этери плачет,
Голову склонивши ниц,
И опять Этери жемчуг
Нижет стрелами ресниц.
Ах, не в первый раз на свете
Над бегущею водой

С хладным разумом не сладит
Сердце девы молодой!

4

Где-то в трубы затрубили,
Свора лаем залилась.
То царевичева свита
Господина заждалась.
Откликается Годердзи.
Видит: с луками в руках
Мчат охотники в звериных
Острроверхих башлыках.
Чуть завидели Этери,
Так и ахнули они:
“Не земная это дева, —
Божьим ангелам сродни!” —
“Радуйтесь! – сказал Годердзи, —
Восхваляйте дар небес!
Видите, какую серну
Подарил мне нынче лес!
Солнцем Господа клянуся
И Господнею луной —
Будет вам она царицей,
Мне – любимую женой!”
Обнял девушку царевич —

Что орел ширококрыл,
И с невестою в объятьях
Бога возблагодарил.
Но невеста и в объятьях
Молчалива и строга
И, посаженная на конь,
Плачет, катит жемчуга.
Разноцветными цветами
Забросали их рабы.
Молодым желают счастья,
Ладу, веку и судьбы.

Но царевичеву счастью
Есть завистник, есть шакал.
Чуть завидел визирь Шерэ
Девушку – затрепетал,
Как подстреленный, не может
Глаз на дивную поднять
А подымет, а посмотрит —
Глаз не может оторвать.
Мать родная не узнала б:
Ликом – темен, взором – дик.
Как гроза меняет местность —
Так любовь меняет лик.
Две змеи его снедают,
Две – высасывают кровь:

Злая ненависть к счастливцу,
К дивной девушке любовь.
Возблагодарила Бога
За счастливейший из дней.
Все настрелянное за день
Погрузили на коней.
Поредели, пострадали
Леса вольные стада!
Будет вертелу работа!
Будет женщинам страда!
Оперение фазанов
Так и светится во мгле.
Леса ж лучшая добыча —
У царевича в седле.
Весело поет царевич,
Весело поют рабы.
Вторят горы, вторят дали
Горные на все лады.
Лишь одна молчит – Этери.
Косы уронив на грудь,
Слез солеными ручьями
Орошает брачный путь.
Плачет, бедная, по стаду:
По ягнятам-сосунам,
По сестрицам и по братцам,
По телятам-скакунам.

Молится, чтобы спасла их
Вседержителя рука
От стервятничьего клюва
И от волчьего клыка.
На небе мерцают звезды,
Распростертая под ним
Спит земля, еще покоем
Не насытилась ночным...
Скоро ль небо приоткроет,
В жажде утренней земной,
Грудь, застегнутую солнца
Пуговицей огневой?

5

Встало солнце, озарило
Кругозор и небосвод.
Птицы хищные в долины
Устремляются с высот.
Запах падали почуяв,
Коршун коршуну кричит,
Ворон ворона торопит,
Старший стаю горячит.
Ах, недаром сокрушалась
Девушка по сосункам!
От Этериных любимцев —

Только шерстка по кустам.
Потревоженный зарею
Разбежался волчий сброд.
Волчья стая не доела —
Воронова доклюет.
Радуетя рой проклятый,
Мчится, клювы наострив.
Сотрапезников незваных
Клекотом встречает гриф.
Вслед за барсом притащились
Два медведя-силача.
Гонит мачеха косматых,
Как медведица рыча.
Смотрит старая (ручьями
Слезы из-под красных вежд)
На растерзанное стадо:
Кладбище своих надежд.
По ветру пустивши космы,
Разъяренная, как рысь,
Хриплым зовом, черным словом
Оглашает даль и близь.
Все-то горы, все-то доли
Исходила, обошла,
Но пастушки нерадивой
Тени-следу не нашла.
Может, дух ее нечистый

В царство мрака заманил?
Знать, обвал ее сыпучий
Заживо похоронил!

6

Над лазурною пучиной,
На скалистом берегу
Встал дворец царя Гургена, —
Крепость, страшная врагу.
Но, от недруга сокрытый,
Есть у крепости тайник!
Между стен ее зубчатых
Укрывается цветник.
От фиалок синеглазых
Небом кажется земля,
С утра до ночи над розой
Рвется сердце соловья.
Всё подруге соловьиной
Поклоняется в саду.
А нарцисс к своей любимой
Клонит белую звезду.
Но невесел в это утро
Царь, – морщина меж бровей, —

Точно розы и не пышут

И не свищет соловей.
Неожиданною вестью
В утра неурочный час
Спасалар, склонив колено,
Душу царскую потряс:

“Царь! Не гневайся, могучий,
Что без зову предстаю.
Ибо радостью наполню
Грудь отцовскую твою:
Царский сын домой с добычей
Прибыл. Пир на всю страну!
Взял твой первенец Годердзи
В жены светлую луну.
Краше черт ее невинных
Я не видел ничего.
Свод покинула небесный
Ради сына твоего.
Сам Господь ее для отчей
Гордости твоей сберег.
Сладким именем Этери
Он дитя свое нарек.
Перед ней другие девы —
Перед жемчугом песок.
От одной ее улыбки
Озаряется восток.

Как луна она и солнце —
Недоступна похвале.
Девы не было подобной
И не будет на земле.
Если ж сердисься, что сами
Свадьбу сладили они, —
Бог сердца соединяет,
Значит, Господа вини!”
Потемнел Гурген, как туча,
Почернел Гурген, как ночь:

“Кто она? Откуда родом?
Княжья, царская ли дочь?”

спасалар

Царь! Наследника престола
Кто б расспрашивать дерзнул?
Знаем только, что соломой
Загорелся – чуть взглянул!
Что нашел ее в приречных
Камышах на склоне дня,
Мигом суженою назвал,
Мигом поднял на коня.
Не гневись, отец, на сына,
Да и нас не осуди.

Ведь идти не могут люди
Против Бога и судьбы!

царь

Лев, что молвишь ты? Ни слова!

К сыну моему ступай,

Отчий гнев и возмущенье

Неслуху ты передай.

Без отцовского согласия

Как же он посмел жениться?

С дочерью царя Левана

С колыбели обручен.

Я ли равному нарушу

Клятву радужной поры?

Слово, данное за чашей,

Тверже каменной горы.

Дочь признав бродяжку,

Как на солнце и луну,

Как любезному Левану

В очи грозные взгляну?

Передай тому безумцу,

Что, поправ отцову власть,

Сам родителя заставил

Детище свое проклясть.

Древний род отцов и дедов

Он желает осквернить.
Сосунок он, жеребенок.
Я уйму шальную прыть!
Чтобы к отчему порогу
Не осмелилась нога!
Иль стрелой его привечу,
Как последнего врага!
Пусть узнает, своенравный,
Как наказан будет тот,
Кто неравною женою
Опозорил царский род.
Передай и сам запомни:
Больше не приму гонца.
Нету сына у Гургена,
У Годердзи – нет отца.

Твердым шагом удалился
Царь к советникам своим.
Спасалар, скорбя за сына,
Не последовал за ним.

7

Огорчил царевич добрых,
Насмешил царевич злых.
Одинокая вершина

Приютила молодых.
Все отверженца отвергли,
Всем – венец его померк.
Но, виновницы изгнания,
Он Этери не отверг.
Хором прокляли вельможи
Бедной девушки красу.
Но когда любовь страшилась
Одиночества в лесу?
Все от сына отступились,
Трепеща перед отцом,
Кроме матери-царицы,
Сжалившейся над пленцом.
Посетила, обласкала,
Поднесла, прося беречь,
Шитый золотом нагрудник —
Дочери, а сыну – меч.

мать

Не корю тебя, любимый!
Гнева нет у матерей!
Чем труднее, чем больнее —
Тем милее, тем родней.
Одинокой, бессыновней
Старости не убоюсь,

Да благословит создатель
Твой очаг и твой союз.
Но одно запомни: слово
Есть святыня из святынь;
Сердцем избранной подруги
До могилы не отринь.
Горькое отцу содеял,
Огорчил седую мать,
Лет на старости заставив
Слово данное поправить.
Над родительскою славой,
Над сединою глумясь,
Утопил нас в грязной луже,
Кровь свою вмешал ты в грязь.

годердзи

Не топил я славы в луже,
Не срамил седой главы.
За нарушенную клятву
Я в ответе, а не вы.
В чем проступок мой? Что
Мне дарованное – взял?
Тем преступник я, что деу
Сердца сам себе избрал?
Ежечасно, безвозвратно

Вырастаем из пелен!
Вы Годердзи сотворили,
Но живет и дышит – он!
Не сыновнею любовью
Вечен человеческий род!
Вы Годердзи сотворили,
Не пеняйте, что живет!
И прислужницы не стерпишь,
Если лик ее не мил!
Дочери царя Левана
Дня невестою не мнил!
В башенном окне один лишь
Миг узрел ее и к ней
Навсегда остался камня
Башенного холодней.
Если ж царь Леван, разгневан,
На отца пойдет войной —
Против мощного вторженца
Нам сражаться не впервой!
Вслед бесстрашному Гургену
Все примчимся на войну
И в который раз прославим
Нашу древнюю страну!

Царь Гурген скорбит о сыне.
Третий месяц царь, как крот,
Света белого не видит,
Третий месяц слезы льет
Над ослушником, что царство
На пастушку променял.
Но однажды в час полночный,
Визирей созвав, сказал:
“Визири мои, довольно
Знаете меня, чтоб знать, —
Не боязнь царя Левана
Мощному мешает спать.
Об ослушнике Годердзи
Естество мое скорбит.
Браком первенца с безродной
Повелитель ваш убит.
Браком первого – с последней,
Венценосного – с простой,
Отпрыска царей древнейших
Браком – с нищенкой босой.
Как земля не сотряслась,
Скал не рухнули столбы
От неслыханного брака

Господина и рабы?
Как светила не погасли,
Зря такую черноту?
Как обвалом не засыпал
Бог неравную чету?
Визири мои, молю вас,
Укажите мне пути,
Как наследника престола
С недостойной развести?
Как уста его и очи
От красы ее отвлечь?
Как любовь из сердца выжечь?
В сердце ненависть зажечь?”
Помолчавши, отвечали
Визири: “О царь и вождь!
Это дело – колдовское,
Превышает нашу мощь”.
Тут коварный визирь Шерэ
Голос подал: “Царь, верна
Преданность моя, – хоть в пекле
Раздобуду колдуна!
Но одно мое желанье,
Царь, исполни. Не злодей
Я. И девушку жалею,
Выросшую без людей.
Разлучив ее с Годердзи,

Бедную не убивай!
Чем стервятникам на ужин —
Лучше мне ее отдай!” —
“Быть по-твоему, – промолвил
Царь. – Как только чародей
Разведет ее с Годердзи,
Будет девушка твоей”.

Вышли визири. Последним
В летней ночи черноту
Шерэ вышел, в черном сердце
Нежа черную мечту.

9

За высокими горами,
За просторами морей
Угнезвился злой волшебник,
Видом – старец, сердцем – змей.
Каджам запродавши душу,
Приказует он воде,
Ветру, солнцу, стуже, зною,
Граду, ливню и грозе.
Чернотую превосходит
Уголь, деготь и смолу.
Словно тучи по утесу —

Злые мысли по челу.
В клеветах своих гнездится —
Что паук среди тенёт.
Низостью Искарюта
Смело за пояс заткнет.
Вместо глаз у старца угли,
Зубы – битое стекло,
Кости голые железо
Листовое облегло.
Уши – рыси, когти – грифа,
Чинной старости венца
Не ищи – седин почтенных!
Ибо – грива жеребца.
К этому-то старцу Шерэ
День и ночь спешил, пока
С горной выси не увидел
Тайной кельи ведьмака.

шерэ
(с горы)

Здравствуй, старец досточтимый!
Здравствуй, мудрости родник!
Через горы, через доли —
Наконец, к тебе проник.
Трудным делом озабочен,

Попрошу я мудреца:
Попытайся образумить
Ты царевича-глупца.

колдун

Что ты волком воешь сверху?
Знаю про твою беду.
В логово мое спускайся, —
Две недели Шерэ жду.

шерэ

(спустившись)

Помоги, всеильный старец!
День мне стал черней, чем ночь!
Ты один во всей подлунной
Можешь скорбному помочь.
Страстную любовью болен,
Сна и разума лишен,
Как под камнем – под любовью
Заживо похоронен.

колдун

Знаю, знаю, царский визирь,

Что пронзила, как стрела,
Завалила, как лавина,
И, как молния, сожгла
Красота лесной пастушки.
Но, словца не утая,
Все поведай мне – как если б
Ничего не ведал я.

шерэ

Обессилевши от страсти,
Что скажу тебе, старик?
От любовного недуга
Еле движется язык.
Коченею и сгораю,
Притупились нюх и вкус,
Как поганою змеею,
Хлебом праведным даплюсь.
На постели, как на копьях,
До зари не знаю сна,
И, как узнику темница,
Грудь дыханию тесна.

колдун

Не печалься, визирь Шерэ,

Знахарь – опытный паук!
Горделивая пастушка
Не уйдет из наших рук.
Снадобье тебе составлю:
Сеянное по ночам
Просо, политое кровью,
С женским млеком пополам.
Посолю его щепоткой
Праха ведьминского. Грязь
С рук Иудиных добавлю —
Будет каша, будет мазь!
Этой мазью, Шерэ, смажешь
Дома брачного порог, —
И такую дева станет —
Не отмоеет и поток!
Шея, мрамора белее,
Станет пищею червей,
Тысячами присосутся
Гады к яблокам грудей.
Гроздьями пойдут клубиться
Из ноздрей, ушей и губ.
Зачервивеет Этери,
Как в сырой могиле – труп.
Что на утро новый лекарь,
Над болящею согбен,
Оторвет червя, и целый

Клубень – снятому взамен!
И отступится Годердзи
От игралища червей.
Не кручинься, визирь Шерэ,
Будет женщина твоей!

шерэ

В голом остове червивом
Сласти мало жениху!

колдун

Раскрасавицу получишь, —
Не червивую труху!
Пресмыкающимся – гибель
Ведьмы жженные власы.
Чуть присыпешь – и ослепнешь
От Этериной красоты!

Дал обещанное знахарь.
Положив его на грудь,
Мига не теряя, Шерэ
Поскакал в обратный путь.
Сеют звонкие подковы
Мириады жарких искр.

Провожают в путь-дорогу
Горных бесов вой и визг.
Зубы красные ощеря,
Лаёт дьявольская рать:
“Скоро ль, скоро ль, братец Шерэ,
К нам пожалуешь опять?”

10

Едет Шерэ по ущелью,
Едет шагом, тупит взгляд.
Разливается по жилам
Совести змеиный яд.
Видит Шерэ: под ногами,
Где река бежит, быстра,
Адским зраком, красным маком
Блеск бесовского костра.
И спустился визирь Шерэ
В бездну, красную, как медь,
У бесовского веселья
Душу черную погреть.
Уж и дэвы! Уж и хари!
Очи – бешеных котов,
Пасти пенистые – шире
Пивоваренных котлов.
Это скулы или скалы?

Это нос или утес?
Устрашился визирь Шерэ,
С камнем сросся, в землю врос.
Что-то лижут, что-то гложут.
Отвалившись от жратвы,
Человеческую хлещут
Кровь из мертвой головы.
Заприметивши пришельца,
Писком, лаем залились:
“Здравствуй, Шерэ тонкомозглый,
С нами ужинать садись!
Наш ты духом, наш и телом
Будь, и жилочками – наш!
Кровь – отменнейший напиток,
Череп – лучшая из чаш!”

шерэ

Душу взявшие злодеи,
Что вам в падали моей?
Подарите, душегубы,
Несколько счастливых дней!
А потом бросайте в пекло,
В ада черную смолу!
Лишь о нескольких счастливых
Днях с любимой молю!

“Получай, влюбленный визирь,
Ровно пять счастливых лет,
После пятого – расплата!”
Дэвы каркнули в ответ.

11

После длительных скитаний
– Вся исхожена страна —
Входит Шерэ в край родимый,
Видит: движется война.
Войско грозное рекою
Катится за рядом ряд.
Бьются яркие знамена,
Трубы звонкие трубят.
Пыль от конницы несется,
Долетает до небес,
С небом вздумали сразиться
Копья частые, как лес.
Льдом отбрасывают латы
Солнца яркого лучи.
Руки в грубых рукавицах
Держат плети и мечи.
Переполнены колчаны.
Стрелы сами рвутся в бой.
Небо бранное виденье

Заливает синевою.
На коне чернее ночи
Впереди полков – Гурген.
Сосчитай листву у леса:
Полчища ведомых в плен!
Вслед за пленными – верблюды
Зыблются, отягчены.
Нагруженные добычей
Горы шествуют – слоны!
За обозом – вереница
Красноглазых палачей.
Изукрашены зубами
Рукояти их мечей.
Не разбил Леван Гургена,
Не склонил его знамен.
Сам, разбитый и кровавый,
С поля битвы унесен.
Смотрит Шерэ издалека
На Гургеновы войска,
Слезы льет на полы чохи, —
Горяча его тоска!
Ранит визирево ухо
Конский топот, трубный звон,
Ранит плачущее око
Полыхание знамен.
Тот, кто душу продал бесам,

В правой битве не боец,
И пошел душепродавец
Разрушать союз сердец.

12

Чары восторжествовали.
Просочился тайный яд.
Новобрачную Этери
Черви поедом едят.
Облака белее – щеки,
Губы – извести серей.
Все, что прелестью пленяло,
Стало пищею червей.
Заживо пришлось изведать
Сладостной – могильный плен!
Оторвешь червя, и целый
Клубень – снятому взамен!
И злосчастливого Годердзи
Подточил бесовский яд!
Слезы катятся по скулам —
Что с утеса водопад.
Но хоть пищи не вкушает,
Солнцу Божьему не рад,
Веткой сохнет, свечкой тает —
Все ж Этери ищет взгляд. Не отверг орел подруги,

Не порадовал врагов,
Держит в башне, под охраной
Верноподданных рабов.
Знать дает ему Этери:
“Отпусти меня домой!
Счастья нету и не будет
С зачумленной женой.
Чем пластом лежать – хоть воду
Я б возила на осле!
Отпусти меня, Годердзи!
Не вернуся и во сне.
Я одна тебе, любимый,
Жизни отравила сладость!
Свет очей моих, Годердзи!
Прогони свою напасть!
Лучше б вовсе не родиться
Мне, чем быть тебе бедой!
О, зачем в лесу пастушку
Встретил всадник молодой!
Не меня одну сгубили
Черные жильцы могил!
О, зачем взамен оленя
В грудь меня не поразил?
И останется меж нами
В струях слезного дождя
Слово первое – последним:

“Недостойна я тебя!”

13

По Гургеновым владеньям
Весть лихая разнеслась!
Сыну царскому Годердзи
Наступил последний час.
Согревает, освежает
Мать, руками оплетья.
Но не этого объятья
Жаждет бедное дитя
“Мать любимая! Не тщися
С верной смертью воевать.
Отчего я умираю,
Знаешь, плачущая мать.
С солнцем нынешним спущуся
В царство вечной темноты.
Ничего уж не увижу
Из-под каменной плиты.
Но пока еще отверсты
Очи солнцу и луне,
Приведи сюда, родная,
Жизни стоившую мне.
Чтобы ей, моей любимой,
Мой последний взгляд и вздох!

Хоть и дорого мне стоит
Эта встреча, видит Бог!
Если скажешь мне, что к Богу
Отошли ее часы,
Принесите мне хоть волос,
Волос из ее косы!
Волосок один! Частицу
Тела, бывшего живым,
Чтобы было чем согреться
Мне под камнем гробовым.
Хоть бы косточку сухую!
Полумесяц ноготка!
Хоть бы ниточку цветную
Из носильного платка!”
Побрела к царю царица,
Слезы катятся с лица,
Стала, в землю преклонившись,
Мать упрашивать отца.
Посылает царь за Шерэ,
Вот он, весь как бы в золе,
С видом мертвого, неделю
Пролежавшего в земле.
Говорит Гурген: “Любимый
Визирь мой, орел вершин,
Помощь срочная нужна мне,
Ибо при смерти мой сын,

В вере выросший Христовой,
Богом посланный царить, —
Мне ль единственному сыну
Милому – могилу рыть?
Оттого Годердзи к гробу
Клонится, что черви жрут
Милую. Верни здоровье
Ей, и оба оживут!
Снадобью противоядьё
Раздобыв, верни стране
Сына царского, больному —
Жизнь, успокоенье – мне”.
В землю тулится несчастный,
Бьется сердце о ребро.
Тот, кто каджу продал душу,
Может ли творить добро?
Медлит Шерэ, не находит
Слов, в раздумье погружен.
За него царю ответил
Тяжкий, похоронный звон.
Колоколу – двери вторят,
Толпы вторят у ворот,
Вместе с колоколом стонет
И рыдает весь народ.

царь

Шерэ, что это за звуки?
Мрачное идет за ум...

шерэ

Плач, быть может... Смех, быть может...
Может, пиршественный шум...

Отбыл Шерэ за вестями,
Но уж весть идет сама:
С головой, покрытой пеплом,
В потрясенности ума,
Окровавленностью лика
Изъявляя скорбь и страх,
Визирь внутренних покоев
Пред царем стоит в слезах.
“Да иссохнет царский недруг,
Иссуши его Господь,
Как от участи Годердзи
Сохнут кость моя и плоть.
К страшной вести приготовься,
Царь! В расцвете естества
Мертв твой первенец Годердзи,
И Этери с ним мертва.
Воевал я, царь, немало,

Очи – сытые мои,
Но ужаснее кончины
Не видал за все бои.
Привели к нему Этери,
Посадили на кровать,
Умиравший к болящей
Руки вытянул – обнять...
Обнял, и душа из тела
Вылетела, точно дым,
А несчастная кинжалом
Закололася над ним”.
Побелел Гурген, как саван:
“О, злосчастная чета!
Всем ветрам теперь раскрыты
Царства древнего врата!
Сын, зачем оставил землю
Прежде срока своего?
Бог, зачем у старца вырвал
Посох старости его?”

14

Солнце миру улыбнулось
Из-под золота волос,
Но земля его улыбку
Встретила ручьями слез.

Толпы в траурных одеждах
Топчутся по площадям.
Отереть тоски потоки
Руки тянутся к глазам.
Реют черные знамена.
Скорбь до неба донести —
Задымили по столице
Поминальные костры.
Перед скорбными войсками —
Спасалар, вожатый сеч,
Встал, глаза потупив долу,
Руки положил на меч.
Смолкли трубы. Барабанов
Смолк победоносный гром.
На уста нейдет поэту
Стих о доблестном былом,
Чтобы не было под небом
Звуков неги и любви,
Соловьев снесли в подвалы,
И замолкли соловьи.
Пусто каждое жилище:
Провожают стар и млад,
Провожают прост и знатен,
Обездолен и богат.
Вслед за пастырями в ризах
Визири шагают в ряд.

Не явился только Шерэ,
Совести познавший ад.
По волнам людского моря,
Точно морем голубым,
Высоко плывут два гроба:
Медный – с нею, белый – с ним.
За ворота городские.
Вышли. В поле, над горой,
Место выбрали пустое,
Как наказывал больной,
И зарыли, друг от друга
Не вблизи и не вдали, —
Так, чтоб темными ночами
Взяться за руки могли.
И пошла кружить по царству
Изумительная весть:
Что цветам на их могилах
Круглый год угодно цвести.
Презирая расстоянье,
Призывает как рукой,
Роза с царственной могилы
Скромную фиалку – той.
Но еще одну приметку
Чудную скажу тебе:
От могильного подножья
Вдоль по золотой трубе

Ключ бессмертия струится,
Всё питая и поя.
Наклонись к нему – и канет
Всякая печаль твоя.
К небожителям причислен,
Кто нагнется над водой,
Кто бы ни был он – хоть зверем
Иль букашкой немой.

15

– Что же с визирем-злодеем?
Все ли царь к нему хорош?
– День и ночь он, ночь и день он
На дороге точит нож.
– Что затеял? Что задумал?
Нож зачем ему востер?
– Тени собственной боится
Лиходей с тех самых пор.
Больше визирем не хочет
Быть, до власти не охоч.
Плачем плачет, ножик точит
Ночь и день он, день и ночь.
Тело – в лыке, с видом диким
Ножик прячет в рукаве.
Бьют несчастного крестьяне

Палками по голове.
По оврагам, по ущельям,
Тощ, как собственная тень,
Волком рыщет, смерти ищет
День и ночь он, ночь и день.
Разучившись по-людскому,
Голосит в лесную дичь,
То как пес он, то как лис он,
То как бес он, то как сын.
То с пастушеской свирелью
Лесом бродит, как во сне,
То побед былых оружие
Следом возит на осле.
Всех жильё его пугает,
Годное для воронья,
И лицо – ещё темнее
Темного его жилья.
Понадеялся спастись,
Мертвой душу откупить:
Стал с монахами поститься,
Воду пить, поклоны бить.
Но ни бденьё, ни раденьё
Не смогли ему помочь.
– Для чего же ножик точит
Ночь и день он, день и ночь?
– Очи выколоть он хочет,

Ночи хочет! Об кремень
Оттого и ножик точит
День и ночь он, ночь и день.

РАНЕНЬИЙ БАРС

(Поэма)

Таял снег в горах суровых,
В доли оползни ползли.
Снежным оползням навстречу
Звери-туры в горы шли.

Шел за турами вожак их
С тихим криком: берегись!
Вволю нализавшись соли,
Стадо возвращалось ввысь.

Вот и крепости достигли.
Здесь, за каменным щитом,
Круторогому не страшен
Тот с ружьем и волк с клыком.

Но стрелку и горя мало —
Новою надеждой полн:
На утесе, глянь, олень
Стадо взобралось на холм.

И сокрылось. Сном сокрылось!
Как бы не сокрыла даль
И последнего оленя
С самкою! Рази, пицаль!

Выстрелил! Но мимо пуля!
Не достала, быстрая!
Только шибче поскакали
Быстрые от выстрела!

Звери вскачь, охотник следом,
Крупный пот кропит песок.
Трижды обходил в обход их
И обскакивал в обскок,

Но как стаду вслед ни прыдал,
Сотрясая холм и дол,
Ближе чем на трижды выстрел
К мчащимся не подошел.

Эх, кабы не на просторе,
А в ущелье их застиг!
Был бы праздник в горной келье
И на вертеле – шашлык!

Пир бы длился, дым бы стлался...

Созерцая гордый рог,
Здорово бы посмеялся
В бороду свою стрелок!

С горы на гору, и снова
Под гору, и снова ввысь.
Целый день гонялся тщетно —
Руки, ноги отнялись.

Голоден. Качает усталь.
Кости поскрипом скрипят.
Когтевидные цриапи
Ногу до крови когтят.

Пуще зверя изнемогши,
Точно сам он был олень,
Злу дивится, дню дивится,
Ну и зол, дивится, день!

А уж дню-то мало сроку.
Глянь на солнце: ввысь глядит,
Вниз идет. Уж скоро в долах
С волком волк заговорит.

Холм с холмом, тьма с тьмой смесится:

С горной мглой – долины мгла.
Скроет тура и оленя,
Скроет шкуру и рога.

“Матерь мощная! Царица
Векового рубежа,
Горной живности хозяйка,
Всей охоты госпожа,

Все охотники – сновидцы!
Род наш, испокон села,
Жив охотой был, охота ж
Вещим сном жива была:

Барс ли, страшен, орл ли, хищен,
Тур ли, спешен, хорь ли, мал, —
Что приснилось в сонной грезе —
То стрелок в руках держал.

Матерь вещая! Оленя
Мне явившая в крови,
Оживи того оленя,
Въяве, вживе мне яви!

Чтобы вырос мне воочью
Исполин с ветвистым лбом!

Чтобы снившееся ночью
Стало сбывшееся днем”.

Помоляся, стал Мтварели
Хлеб жевать – зубам гранит!
Вдоль по берегу ущелья
Вверх глядит, вперед глядит.

Островерхие там видит
Скалы статной вышины.
Можжевеликом покрыты,
Папортом опущены.

С можжевеловой вершины
Мчит ручей хриплоголос,
Пеной моет – все ж не может
Дочиста отмыть утес.

Встал охотник, встал, как вкопан:
Вот оттуда-то, с высот,
Раздирающий, сердечный
Стон идет – то зверь зовет.

Погляди! На самой круче,
В яркой росписи пчелы,
На площадке барс могучий

Вытянулся вдоль скалы.

Лапу вытянул по гребню,
С лапы кровь течет в ручей,
И, с водой слиясь, несется,
В вечный сумрак пропастей.

Стонет он, как муж могучий
Под подошвою врага!
Стонет, как гора, что тучу
Сбрасывала – не смогла!

Стонет так, что скалы вторят,
Жилы стынут...
– Гей, не жди,
Бей, охотник! – “Нет! (охотник)
Бить не буду – не враги!

Он, как я, живет охотой,
Побратиму не злодей.
Пострадавшего собрата
Бить не буду – хоть убей!”

Но и зверь узнал Мтварели.
На трех лапах, кое-как,
Где вприхромку, где вприпрыжку,

Вот и снизился, земляк:

Смотрит в око человеку
Оком желтым, как смола,
И уж лапа на колено
Пострадавшая легла.

Осмотрел охотник рану,
Вытащил из-под когтей
Камень заостренным клювом
Беркута, царя ночей.

Снес обвал его сыпучий
На кремнистый перевал.
С той поры осколок злостный
Барса ждал да поджидал.

Пестрый несся, – злостный вьелся.
Берегися, быстрогон!
Где пята земли не чует, —
Там и камень положён!

Выскоблил охотник рану,
(Лекарь резал, барс держал),
Пестротканным полосатым
Лоскутом перевязал.

Выздоровливай, приятель!
Не хвора́й теперь вовек!
Прянул барс, как сокол летом,
Горы-долы пересек.

Проводил стрелок глазами...
Подивились бы отцы!
Скоро лани станут львами,
Коли барс смирней овцы.

Тут – что было в жилах крови —
Вся прихлынула к лицу:
Легкий – робкий – быстрый – близкий
Зверя топот сквозь листву.

Глянул: широковетвистый,
Лоб подъемля, как венец...
Грянул выстрел – и в ущелье
Скатывается самец.

Еще эхо не успело
Прозвонить олений час —
Где олень скакал, спасаясь,
Мощный барс стоит, кичась.

Прорычал разок и скрылся,
Обвалив песчаный пласт.
Там, где барс стоял, красуясь,
Дикий тур бежит, лобаст.

Грянул выстрел – и с утеса
В бездну грохается тур.
Там, где тур свалился, – барс встал,
Пестрохвост и пестрошкур.

Перевязанною лапой
Тычет в грудь себя: “Признал?
Я-де тура и оленя
Под ружье твое пригнал!”

Не успел охотник молвить:
“Бог тебя благослови!” —
Нету барса. Только глыбы
Позади да впереди.

Тьма ложится, мрак крадется,
Путь далек, а враг незрим.
Не луне – вдове – бороться
С черным мороком ночным.

Где-то плачется лисица, —

Худо ей, – недобр ей час!
Други милые, примите
Времени седого сказ.

ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЦХОК ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ 1851–1915

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Крадется к городу впотьмах
Коварный враг.
Но страж на башенных зубцах
Заслышал шаг.

Берет трубу,
Трубит во всю мочь.
Проснулась ночь.
Все граждане – прочь
С постели! Не встал лишь мертвец в гробу.

И меч
Говорит
Всю ночь.

Бой в каждом доме,
У каждых ворот.

– За мать, за жену!
– За край, за народ!

За право и вольность – кровавый бой,
Бог весть – умрем или победим,
Но долг свой выполнил часовой,
И край склоняется перед ним.

Не спавшему – честь!
Подавшему весть,
Что воры в доме, —
Честь стражу тому!

Но вечный укор,
Но вечный позор,
Проклятье тому —
Кто час свой проспал
И край свой застал
В огне и в дыму!

СЕРДЦЕ

С сердцем чистым и горячим

Этот мальчик вырос.
У людей на это сердце
Непрерывный спрос.

За живой кусочек сердца,
Теплый, развесной,
Платят женщины – улыбкой,
Девушки – слезой,

Люд читательский – полушкой,
Богатей – грошом.
И растет поэту слава —
Сердце хорошо!

Так и шло, пока не вышло
Сердце, – ни крохи!
И пришлось поэту спешно
Прекратить стихи.

САНКИ

– О чем, ну, о чем, мой цветочек?
Не жаль тебе розовых щечек?
Не жаль – голубого глазка?
– Тоска!

– Прогоним! Пусть тетушку точит!
А мы – позабавимся! Хочешь,
На санках тебя прокачу?
– Хочу!

– Теплее закутайся, птичка!
На ручки надень рукавички
И носика не заморозь!
– Небось!

– Назад не гляди – сделай милость!
Уже не одна закружилась
Головка от быстрой езды!
– Следи!

– Конь голубя бьет в полете!
А ну как на повороте
Нас вывалит из саней?
– Скорей!

– Уже городские башни
Пропали. Тебе не страшно,
Что сгинул родимый дом?
– Вдвоем?

Конь шалый, ямщик неловкий.

Легко потерять головку

От эдакой быстроты!

– Есть – ты!

– Конь – сокол ширококрылый!

Все веки запорошило —

Где Запад и где Восток?

– Восторг!

– Откуда в степи пригорок?

А ну, как с горы да в прорубь —

Что скажешь в последний миг?

– Шутник!

– А вдруг на Москву – дорога?

В тот город, где счастья – много,

Где каждый растёт большим?

– Спешим!

– Все стихло. Мороз не колет...

Умаялся колоколец.

Нас двое не спит в ночи...

– Молчи!

ГЕРШ ВЕБЕР

ДАНТЕ

Ты говоришь о Данта роке злобном
И о Мицкевича любившей мгле.
Как можешь говорить ты о подобном
Мне – горестнейшему на всей земле!

Ужели правды не подозреваешь
И так беды моей не видишь ты,
Что розы там с улыбкой собираешь,
Где кровь моя обрызгала шипы.

ТРОПЫ БЫТИЯ

На трудных тропах бытия
Мой спутник – молодость моя.

Бегут как дети по бокам
Ум с глупостью, в середине – сам.

А впереди – крылатый взмах:
Любовь на золотых крылах.

А этот шелест за спиной —
То поступь Вечности за мной.

Ф. КОРН

«О, кто бы нас направил...»

О, кто бы нас направил,
О, кто бы нам ответил?
Где край, который примет
Нас с нерожденным третьим?

Бредем и не находим
Для будущего яслей.
Где хлеб, который впустит
Тебя со мной, меня с ним...

Уже девятый месяц
Груз у меня под сердцем,
Он скоро обернется
Ртом – ужасом разверстым.

Идем – который месяц —
Куда – не знаем сами.
Деревья по дорогам
Нам чудятся крестами.

Увы, одни деревья
Протягивают руки
Младенческому крику
И материнской муке.

Хоть листьями оденьте!
Хоть веточкой укройте!
Хоть щепочку на люльку!
Хоть досточку на койку!

Кто молится младенцу?
Кто мать величает?
Мир моего младенца
Предательством встречает.

Любой ему Иуда
И крест ему сосновый
На каждом перекрестке
Заране уготован.

Все, все ему готово:
Путь, крест, венец, гробница
Под стражею – да негде
Ему на свет родиться.

О, счастлива Мария,

В сенном благоуханье
Подставившая Сына
Воловьему дыханью!

Бреду тяжелым шагом,
Раздавленная ношей,
Которую надежду
Стирая под подошвой?

Кто мающихся примет,
Двух, с третьим нежеланным?
На всей земле им нету
Земли обетованной.

Бдят воины с мечами
На всех путях и тропах —
– Кто вы? Куда – откуда?
Ложь! Подавайте пропуск!

Жгут очи, роют руки.
Рты ненавистью дышат.
– Вот истина! – Не видят.
– О, смилуйтесь! – Не слышат.

Все: обувь, косы, уши, мысли
С находчивостью злой

Обыскано. Но мало
Им, подавай утробу.

А ну, как это чрево,
По тропам каменистым
Влачимое, мессией
Взорвете – коммунистом?

Где край, который примет,
Очаг, который встретит,
Вертеп, который впустит
Нас – с нерожденным третьим?

СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

ВОЛК И КОЗА

Отощав в густых лесах,
Вышел волк на снежный шлях,
И зубами волк —
Щелк!

Ишь, сугробы намело!
За сугробами – село.
С голоду и волк – лев.
Хлев.

По всем правилам подкоп.
Вмиг лазеечку прогреб,
К белым козам старый бес
Влез.

Так и светятся сквозь темь!
Было восемь – станет семь.
Волчий голод – козий гроб:
Сгреб.

Мчится, мчится через шлях
Серый с белою в зубах,
Предвкушает, седоус,
Вкус.

– Молода еще, Герр Вольф!
(Из-под морды – козья молвь.)
Одни косточки, небось!
Брось!

– Я до всяческой охоч!
– Я одна у мамы – дочь!
Почему из всех – меня?
Мя-я-я...

– Было время разбирать,
Кто там дочь, а кто там мать!
Завтра матушку сожру.
Р-р-р-у!

– Злоумышленник! Бандит!
Где же совесть? Где же стыд?
Опозорю! В суд подам!
– Ам!

МОЯ ПЕСНЯ И Я

Еще я молод! Молод! Но меня:
Моей щеки румяной, крови алой —
Моложе – песня красная моя!
И эта песня от меня сбежала

На жизни зов, на времени призыв.
О как я мог – от мысли холодею! —
Без песни – мог? Ведь только ею жив!
И как я мог не побежать за нею!

О как я мог среди кровавых сеч
За справедливость и людское право,
Как инвалид, свои шаги беречь
И на подмостках красоваться павой?

О песнь моя, зовущая на бой!
Багряная, как зарево пожарищ!
На каждой демонстрации с тобой
Шагаю – как с товарищем товарищ.

Да, ты нужна, как воздух и как злак.
Еще нужней – моя живая сила.
Я рядовым пришел под красный флаг

За песней, что меня опередила.

ПЛОТОГОН

В моей отчизне каждый
Багром и топором
Теперь работать волен,
Как я – своим пером.

Взгляни на плотогона!
Как бронзовый колосс
Стоит – расставив ноги!
Такой – доставит тес!

Работает шестом
Он – что скрипач смычком!

Когда в своем затворе
Сижу над словарем,
И бьюсь – и еле-еле
Уже вожу пером —

Я знаю: на реке
Есть те: с шестом в руке!

И если над строкою

Я слеп, и сох, и чах —
То лишь затем, чтоб пели
Меня – на всех плотях!

(ДИТЯ И СОБАКА)

Ребенок – великое счастье в доме,
Сокровище! Праздник! Звезда во мгле!
Ведь выжил твой сын, не зачах, не помер, —
Чего ж ты толкуешь о горе и зле?

– Ни денег, ни времени нет, соседка!
Унять его нужно, – а бьешь за плач,
Сказать ему нужно, – не дом, а клетка.
Играть ему нужно, – из тряпки – мяч.

Сокровище, да не по жизни нашей.
С утра до полуночи крик да рев,
Ему опостылела наша каша
С приправой из ругани и пинков.

Всё вместе: столовая, кухня, спальня.
Обои облуплены, шкаф опух,
Скамейка расслаблена, печь печальна.
В окно никогда не поет петух.

Восход ли, закат ли – все та же темень
Прорехи, и крохи, и смрад и пот —
Вот счастье, сужденное бедным семьям.
Все прочие радости – для господ!

Вот был бы ты песиком, на собачку
Охотников много меж праздных бар.
Забыл бы трущобу и маму-прачку...
Но нету купца на такой товар.

СТИХИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ

ПЕСНЯ ПРО СОБАКУ И РЕБЕНКА

Тихо-смирно лежи в своей торбочке, пес,
Не скребись, не возись, мой щенок.
От кондукторских глаз спрячь и ушки и нос, —
Безбилетного дело – молчок.

Я продам тебя в городе господам
На хорошую жизнь, – сыть да гладь, —
Хоть и жалость, и горечь, и просто срам
Мне за деньги тебя продавать.

Блохи выведутся. Будешь чесан и мыт
– Позабудешь село и поля.
Поболит, поболит – а потом отболит,
Позабудешь ты скоро меня.

Облаченный в суконное пальтецо,
Отречешься от брата-пса.
Каковы богачи – таковы их псы:
Будешь нищего гнать с крыльца.

Позабудешь кличку свою – Буян,
Будешь зваться как барский сын.
Будет песик мой зваться как мальчуган,
А питаться – как господин.

Попрощаться – мне лапу подашь. Любя —
С расставанием поспешу.
А на деньги за проданного тебя
Башмаки куплю малышу.

Февраль 1941

МЕЛЬНИЦА

И снова над струей тяжелой
В зеленой ивовой тени
Та мельница, что в оны дни
Баллады для меня молола.

Молола демонов сердитых,
Гнездившихся в моей груди,
А ныне только шум воды
Промальывает запах жита.

Весна на Сороти. Отпетых
Буянов шайка топит пса.

О чем, скажи, твоя слеза
Над глубиною сельской Леты?

Но псу не хочется в могилу.
Смотри – как зелено кругом!
Пыль, сыплемая колесом,
Совсем глаза запорошила.

Стою на искрящейся травке,
Под небом, пахнущем землей.
У ветхой мельницы гнилой...
Зачем ребята топят шавку?

Бросается в речную заводь
Зеленая лесная мгла.
Но с дна дремучего – всплыла,
И долго ей придется плавать.

Ночами, назло человеку,
Здесь водят рыбы хоровод.
Мечтаю, юный сумасброд,
Что мельница смолола – реку...

Тот хлеб, который пекарь выпек,
Рожден из пыли водяной...
И, многое поняв, – домой

По раковинам от улиток.

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ИВАН ФРАНКО

1856–1916

«Сыплет, сыплет, сыплет снег...»

Сыплет, сыплет, сыплет снег.
Над равниною бесплодной
Мириадами летят
Мотыльки зимы холодной.

Одноцветны, как тоска,
Холодны, как злая доля,
Засыпают все пути,
Всю красу лугов и поля.

Белый саван забытья,
Равнодушья, безучастья
Совладал с любым ростком
И с любой живою страстью.

Сыплет, сыплет, сыплет снег,
Все тяжеле нависает...
Молодой огонь в душе
Меркнет, глохнет, угасает.

ХРИСТОС И КРЕСТ

Среди поля у дороги
Стародавний крест стоит,
А на нем Христос распятый
Тоже с давних лет висит.

Время расшатало гвозди,
Долго ветер крест качал,
И Христос, вверху распятый,
С древа на землю упал.

Тотчас же трава степная,
Что росла вокруг креста,
В свежие свои объятья
Нежно приняла Христа.

Незабудка и фиалка,
Что синели меж травы,
Обвились венцом любовно
Вкруг Христовой головы.

На живом природы лоне,
Отдохнуть от ран и слез,
Меж цветочных благовоний
Мирно опочил Христос.

Но недолго почивал он,
Пустовал сосновый шест, —
Чьи-то руки Иисуса
Снова подняли на крест.

Но, как видно, не сыскали
Для Распятого гвоздей:
Ко кресту жгутом соломы
Был привязан Назарей.

Так ханжи и суеверы,
Видя с ужасом в глазах,
Как с гнилого древа смерти —
С алтарей, несущих страх,

Из церковных песнопений,
Из обмана, крови, слез, —
Словом, как с креста бывшего
Сходит *на* землю Христос.

И как, ставши человеком,
Человечностью своей
В царство света и свободы
Увлекает нас, людей, —

Все стараются над миром
Вознести опять Христа,
И хоть лжи соломой – снова
Пригвождают у креста.

ПИСЬМО ЛЮБВИ

Настанет день, давно-давно желанный:
Я вырвусь, чтобы встретиться с тобой,
Порву оковы фальши и обмана,
Наложенные низостью людской,
Порву все путы – будь они канаты!
Постыдного смиренья сброшу крест!
И докажу, что наше чувство – золото,
Которого и ржавчина не съест.

Настанет день, когда, смеясь и плача,
В твои объятия снова кинусь я,
И подтвердит мне поцелуй горячий,
Что ты – моя! что ты навек моя!
Моя – навек! Все исхищренья ада

Церковного нас не разделят вновь!
Где ваши узы, люди, где преграды?
Земных преград не ведает любовь!

Все путы, все тенёта, все оковы, —
Настанет миг, – любимая, порвем!
Отраву злого взгляда, злого слова
Из сердца выльем, и навек сотрем
Малейший след убийственных обид,
Которые, как черви, нас точили.
Пусть даже мысль о них не омрачит
Счастливец – тенью вороновых крылий!

Настанет день, когда, подобно нам,
Сквозь вековечный мрак пробившись, люди
Пробудятся и, ветхий сбросив хлам,
Теснивший их, освобожденной грудью
Прижмутся к другу – друг и к брату – брат,
И расцелуются с любовью братской,
И станет страшной сказкой для ребят
Наш ветхий мир насилия и рабства.

«Отступились сердца от меня...»

Отступились сердца от меня!
Отвернулись друзья и родня!

Опустела живому земля...
Иль бояться те люди меня?

Лучше в дебрях бродить без тропы,
Чем отверженцем в сонме людей.
Почему среди этой толпы
Я один заклею, как злодей?

Одиноко брожу по земле,
Никому не желанен, не мил...
В целом мире не встретился мне,
Кто бы горе мое разделил.

Если б в слезы кровавые вновь
Мог я все свое горе излить,
Я бы выплакал всю свою кровь,
Чтоб с людьми ничего не делить.

«Не разлучай меня с горючей болью...»

Не разлучай меня с горючей болью,
Не покидай меня, о дума-мука
Над братским горем, над людским бездоьем!

Рви сердце мне, о призрак бледнорукий!
Не дай заснуть в убийственном бесстрастии —

Не отпускай меня, змея-гадюка!

Еще туман моих очей не застит —
Не дай забыться хоть на миг единый
Мечтой о собственном, презренном счастье,

Пока вокруг рабы сгибают спины
И валятся, как стебли под косою,
И с колыбели вплоть до домовины

Живут с бедою, точно брат с сестрою.
Покамест жизнь победной колесницей
Проносится, смеясь над нищетою,

Покамест золотая небылица
Для миллионов – топленая хата,
Покамест слезы бороздят нам лица,

Покамест тружеников казематы
Глощают, и отчаявшимся стадом
Мрут с голоду бездомные ребята,

Покамест небо оскорбляет смрадом
Вместилища разврата и обмана,
Покамест идолы с бесстрастным взглядом

Тлетворным ядом отравляют раны
Народные, и на костях народных
Победу торжествуют Тамерланы, —

Не отпускай меня, о ртах голодных
Глухая дума! Лютыми клещами
Сжимай мне сердце, коли лечь на отдых

Задумаю! И днями и ночами
Тверди над ухом: “Ты им брат! Люби их!
Трудись для них словами и руками

Без сладких грез, без дум себялюбивых!”